C47
P21rE

Проф. Ю. С. Гамбаровъ и проф. М. М. Ковалевскій.

Русская Высшая Школа общественныхъ наукъ въ Парижѣ.

Цѣна 30 коп.

Изданіе Товарищества „Наука и Жизнь“.

Ростовъ н-Д. Типографія Т-ва „Донская Рѣчь“.
1903.

Проф. Ю. С. Гамбаровъ и проф. М. М. Ковалевскій.

Русская Высшая Школа общественныхъ наукъ въ Парижѣ.

Цѣна 30 коп.

Изданіе Товарищества „Наука и Жизнь“.

Ростовъ на Дону.
Типографія Т-ва «Донская Рѣчь».
1903.

Дозв. цензурою 25 февраля 1903 года. Ростовъ на Дону

C47 Storage
P21rE

Отъ издателей.

Нельзя сказать, чтобы самыя условія возникновенія и функціонированія Русской Высшей Школы были особенно благопріятны для постановки такого труднаго и сложнаго дѣла, какъ раціональное и систематическое преподаваніе общественныхъ наукъ. Начать съ того, что Школа находится въ Парижѣ, т. е. вдали отъ родины, а слѣдовательно, и отъ родныхъ умственныхъ центровъ, и, такимъ образомъ, не имѣетъ возможности, подобно аналогичнымъ учрежденіямъ на Западѣ, организуемымъ большею частью въ университетскихъ городахъ, пользоваться по своему выбору постоянными услугами широкаго круга компетентныхъ и опытныхъ преподавателей. Помимо того, въ той части русскаго общества, которая одна только могла-бы оказывать Школѣ необходимую матеріальную поддержку, не вкоренились еще наблюдаемыя въ другихъ цивилизованныхъ странахъ привычки къ участію въ общественной жизни страны, потребность откликаться на общественныя нужды и жертвовать необходимыя денежныя суммы на ихъ удовлетвореніе. Русская Школа основана была, такимъ образомъ, безо всякихъ денежныхъ средствъ, и нужно удивляться, что при бюджетѣ, едва достигшемъ за первый годъ ея существованія 3000 франковъ (1100 съ лишнимъ рублей)[1]), ей все же удалось добиться блестящихъ результатовъ, о которыхъ проф. Ю. С. Гамбаровъ скромно разсказываетъ въ печатаемомъ ниже отчетѣ.

---

[1]) Половина этой суммы составилась изъ пожертвованій *самихъ лекторовъ*, а другая—изъ взносовъ слушателей.

Но какъ бы блестящи ни были сами по себѣ достигнутые результаты, какое бы широкое развитіе въ будущемъ они ни сулили Русской Высшей Школѣ общественныхъ наукъ, мы должны, съ цѣлью устранить постоянно возникающее недоразумѣніе, указать на то, что школа эта по всему своему характеру и не претендуетъ дать своимъ слушателямъ вполнѣ законченное систематическое образованіе. Какія цѣли ставитъ себѣ эта школа читатель увидитъ изъ нижеслѣдующихъ статей, а здѣсь мы замѣтимъ лишь, что и вышеуказанныя чисто фактическія условія не позволяютъ пока Русской Школѣ осуществить вполнѣ безо всякихъ пробѣловъ свою программу. Многіе выдающіеся русскіе ученые, которые бы охотно подѣлились своими знаніями со слушателями Высшей Русской Школы, лишены были этой возможности, такъ какъ поѣздка въ Парижъ требовала большой затраты времени, силъ и средствъ.

Значительно улучшившееся въ послѣднее время матеріальное положеніе Школы нѣсколько облегчитъ нѣкоторымъ русскимъ ученымъ трудность пріѣзда въ Парижъ, такъ какъ оно позволитъ Школѣ взять на себя по крайней мѣрѣ путевыя издержки пріѣзжающихъ лекторовъ.

Судя по результатамъ перваго учебнаго года, позволительно разсчитывать, что, благодаря энергіи учредителей Школы и интересу, который послѣдняя вызвала среди широкаго круга русскихъ профессоровъ, указанные пробѣлы будутъ постепенно заполняться. Но тѣмъ, которые пожелали бы поѣхать въ Парижъ спеціально для того, чтобы пользоваться услугами Школы для пріобрѣтенія знаній или для ихъ пополненія, съ этими пробѣлами необходимо считаться.

Впрочемъ, кто знакомъ съ аналогичными учрежденіями на Западѣ, знаетъ, что ни одно изъ нихъ не свободно отъ такихъ-же пробѣловъ. Да ни одно изъ этихъ учрежденій и не претендуетъ на полноту. Наоборотъ, большею частью они ограничиваются тѣмъ, что даютъ своимъ слушателямъ методъ для занятій, предоставляя имъ искать

фактическихъ свѣдѣній и систематическихъ знаній либо путемъ самостоятельнаго чтенія, либо въ спеціальныхъ государственныхъ учебныхъ заведеніяхъ. Другія аналогичныя учрежденія спеціализируются на одной какой либо отрасли знаній или даже только на нѣсколькихъ предметахъ. Слушатели пользуются ими обыкновенно или лишь для пополненія уже имѣющихся у нихъ знаній, или же рядомъ съ другими учебными заведеніями.

Съ этой точки зрѣнія, Русская Высшая Школа нисколько не уступаетъ своимъ западнымъ сестрамъ. Но среди, вообще, ненормальныхъ условій возникновенія Русской Школы не послѣднее мѣсто занимаетъ и то, что она, по необходимости, разсчитана на довольно широкій контингентъ слушателей, предъявляющихъ къ ней тѣ же запросы, которые предъявляются государственному высшему учебному заведенію, обладающему достаточными средствами, чтобы пригласить многочисленный персоналъ преподавателей, по всѣмъ предметамъ, охватываемымъ данной отраслью знаній.

И вотъ, намъ кажется, что этотъ спеціальный контингентъ слушателей могъ-бы въ пользованіи услугами Русской Школы поступать такимъ же образомъ, какъ поступаютъ слушатели аналогичныхъ свободныхъ учрежденій на Западѣ, т. е. слушать лекціи одновременно въ нѣсколькихъ учрежденіяхъ. Къ счастью, въ Парижѣ, кромѣ Сорбонны и Collége de France, гдѣ читаютъ свѣтила французской науки, существуютъ два учрежденія, задачи которыхъ довольно близко совпадаютъ съ задачами Русской Школы: мы говоримъ о Свободномъ Коллежѣ общественныхъ наукъ (Collége libre des Sciences Sociales) и Школѣ высшихъ общественныхъ знаній (Ecole des hautes études sociales).

Обѣ эти школы основаны были въ девяностыхъ годахъ, знаменующихъ во Франціи оживленіе интереса къ общественнымъ знаніямъ, которыя со времени второй имперіи находились, что называется, «въ загонѣ». Это явленіе, само по себѣ крайне сложное и поучительное, имѣетъ

много причинъ, на которыхъ здѣсь, однако, не мѣсто останавливаться.

Какъ бы то ни было интересъ къ общественнымъ знаніямъ все возрасталъ, и такъ какъ официальная наука не удовлетворяла народившейся потребности, то задачу эту взяли на себя свободныя школы. Такъ возникли указанныя два учрежденія. Первое—Collége libre des sciences sociales—существуетъ съ 1895 г. Цѣль его—«организовать преподаваніе общественныхъ наукъ въ Парижѣ», причемъ считается необходимымъ, чтобы «соціальныя доктрины, даже наиболѣе противоположныя, преподавались съ полною свободою, предпочтительно наиболѣе компетентными ихъ представителями». Каждый профессоръ пользуется, такимъ образомъ, полною свободою въ своемъ преподаваніи—и ограниченъ лишь требованіями дѣйствующихъ законовъ.

Вотъ списокъ главныхъ курсовъ, читаемыхъ въ текущемъ учебномъ году:

I. Историческія и описательныя науки.

Очерки человѣческой географіи—проф. Жанъ Брюнесъ (изъ фрибургскаго унив.).

Соціологія по Огюсту Конту—Дельбэ (депутатъ, одинъ изъ учениковъ Конта).

Современный экономическій и общественный строй при режимѣ свободной конкурренціи—д-ръ правъ Дюфурмантелль.

Сберегательныя кассы.

Германскія общественныя доктрины—проф. Жоржъ Блондель.

Исторія политической экономіи—проф. Луи Ревеленъ.

Картели, ранги, тресты и пр.—Мартенъ Сенъ-Леонъ.

Образованіе «рабочаго права»—адвокатъ Брикэ.

Общественная роль свѣтскихъ женщинъ въ эпоху реставраціи.

Церковь и общество—аббатъ Нодэ.

II. Теорія и методологія.

Біологія въ примѣненіи къ соціологіи—проф. Ле-Дантель.

Отношеніе антропологіи къ общественнымъ наукамъ (нѣсколько курсовъ).

Этническіе и общественные методы—проф. Маренъ.

Общественная роль искусства—членъ института Мюнцъ.

Очерки политической экономіи и сравнительнаго права—проф. Талеръ.

Современное французское право—проф. Леруа.

Ученіе политическихъ партій—Поль Гіо.

III. Технологія.

Эволюція земледѣлія (сельско-хозяйственная промышленность)—инженеръ-агрономъ Купанъ.

Металлургія и химическія производства—инженеръ Гійэ.

Профессіональное образованіе.

Крупныя муниципальныя службы—муниц. сов. Руссель.

Финансовыя операціи.

IV. Осмотры промышленныхъ и общественныхъ учрежденій подъ руководствомъ компетентныхъ людей.

При школѣ имѣется довольно богатая библіотека по общественнымъ наукамъ, а также и читальня, въ которой получаются ежедневныя газеты и крупные журналы всего міра.

Для поступленія въ школу не требуется никакихъ дипломовъ. Плата 30 франковъ (франкъ 37 коп.) въ годъ, а для учащихся въ другихъ учебныхъ заведеніяхъ, въ томъ числѣ и въ Русской Школѣ—10 фран. Курсъ двухгодичный, для иностранцевъ, съ разрѣшенія администраціи, можетъ быть сокращенъ до одного года. Школа выдаетъ дипломы—Certificat d'Etudes sociales,—для полученія которыхъ требуется удостовѣреніе трехъ профессоровъ, подъ руководствомъ которыхъ слушатель занимался, и письменное сочиненіе съ публичной защитой его. Вторая школа— Ecole des Hautes Etudes Sociales—основана была по иниціативѣ профессоровъ Эмиля Сутру и Эмиля Дюкло. Она имѣетъ три отдѣленія:

1) Школу морали и педагогіи.
2) Соціальную школу и
3) Школу журнализма.

Вотъ списокъ главнѣйшихъ курсовъ текущаго года.

I. Мораль.

Общественныя примѣненія солидарности. Серія лекцій съ публичными дискуссіями. Лекціи Бюдена, Бюиссена, Жада, Моно, Покэ и др.

Этическія идеи нашего времени. Серія лекцій объ ученіяхъ нравственности Ренувье, Спенсера, Прудона, Маркса, Толстого, Ницше и др.

Мирное разрѣшеніе народныхъ конфликтовъ. Серія лекцій подъ руководствомъ Фр. Пасси. Принимаютъ участіе профессора: Эмиль Буржа, Жоржъ Ліонъ, Рише, Вейссъ и др.

II. Педагогія.

Воспитаніе демократіи: Серія подъ руководствомъ декана историко-литературно-философскаго факультета читаютъ лекціи: Краузе, Лависсъ, Сеньобосъ, Лансонъ, Жидъ и др.

2) Соціальная школа.

I.

Возникновеніе позитивизма—профес. Жоржа Дюма. Изслѣдованія въ области практической соціологіи—Фиривера. Соціальныя доктрины эпохи второй имперіи—Вейля.

II.

Географія, исторія и критика соціальн. явленій. Серія курсовъ и отдѣльныхъ лекцій подъ руков. проф. Ла-Бланша.

III. Исторія труда.

Положеніе труда въ эпоху второй республики—проф. Ренаръ.

Международное законодательство о трудѣ—д-ръ Кайэ.

IV. Практическіе вопросы.

Норма заработной платы, максимумъ заработной платы, пониженіе нормы рождаемости и др.

3) Школа журнализма.

Практическія упражненія—Корнели.
Профессіональная подготовка—Анатоль Франсъ.
Какъ сдѣлаться журналистомъ—А. Бриссонъ.
Исторія періодической печати.
Законодательство о печати и др.

И въ этой школѣ, какъ и въ первой, слушателямъ дается возможность знакомиться съ самыми различными направленіями. Курсъ—двухгодичный, для иностранцевъ можетъ быть сокращенъ до одного года. Дипломы выдаются, либо каждой секціей отдѣльно, либо общій для всѣхъ секцій. Плата—20 фр. въ годъ, а для слушателей другихъ учебныхъ заведеній—10 фр. Какъ видно изъ сопоставленія приведенныхъ списковъ курсовъ и отдѣльныхъ лекцій обѣихъ парижскихъ школъ съ программой лекцій Русской Школы, слушатель послѣдней, пользуясь одновременно всѣми тремя, можетъ составить довольно полную программу занятій по интересующей его области общественныхъ знаній. Не слѣдуетъ также упускать изъ виду, что въ Сорбоннѣ и „Collége de France“ доступъ на лекціи открытъ для всѣхъ желающихъ. При составленіи программы можно пользоваться указаніями такихъ опытныхъ преподавателей, какъ Ю. С. Гамбаровъ и М. М. Ковалевскій, которые чрезвычайно охотно даютъ совѣты и разъясненія всѣмъ въ нихъ нуждающимся. Считаемъ нужнымъ прибавить, что статья проф. Гамбарова и проф. Ковалевскаго „Международная школа“ была уже напечатана въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ“.

Задачи Русской Высшей Школы общественныхъ наукъ.

Проф. М. М. Ковалевскій.

Высшая Русская Школа, какъ и цѣлый рядъ однохарактерныхъ школъ во Франціи, Англіи, Италіи и съ прошлаго года въ Германіи, обязана своимъ существованіемъ двумъ главнѣйшимъ причинамъ: во первыхъ, тому обстоятельству, что общественные вопросы пріобрѣли въ XIX столѣтіи и началѣ XX-го то же преобладающее значеніе, какое въ XVI и XVII имѣли вопросы религіозные, а въ XVIII—политическіе, во вторыхъ же, тому, что со времени выхода въ свѣтъ „курса положительной философіи“ Огюста Конта открылась возможность построенія цѣльной науки объ обществѣ и указанъ тотъ индуктивно-дедуктивный методъ, съ помощью котораго она можетъ быть создана. Ближайшіе послѣдователи Конта, за немногими исключеніями, и къ числу ихъ я отношу прежде всего Литре, содѣйствуя распространенію его доктрины, въ то же время, повидимому, сочли его попытку построить науку объ обществѣ окончательно завершенной. Обращая соціологію Конта въ своего рода Новый Завѣтъ, интерпретація котораго по праву должна принадлежать однимъ апостоламъ, они постепенно свели свою задачу къ спорамъ объ ортодоксальности тѣхъ или другихъ новыхъ доктринъ и время отъ

времени произносили отлученія надъ головою ихъ виновниковъ. Скоро между самыми апостолами, какъ это всегда бываетъ, возникли пререканія насчетъ правовѣрія, и такъ какъ между ними не оказалось ни одного Павла, то пошли расколы, отпаденія и вселенская церковь позитивистовъ уступила мѣсто скромнымъ часовнямъ одинаково въ Лондонѣ и Парижѣ. Неудивительно, что соціологическія общества, созданныя ими при такихъ условіяхъ, умирали послѣ нѣсколькихъ засѣданій и издаваемые ими журналы имѣли столь эфемерное существованіе.

Но въ то же самое время, когда лица, считавшія себя призванными и единственными истолкователями соціологической доктрины содѣйствовали только популяризаціи идей Конта въ массахъ, общественныя науки, благодаря примѣненію къ нимъ индуктивно-дедуктивнаго метода, указаннаго Контомъ и философски обоснованнаго Миллемъ, дѣлали быстрые шаги во Франціи, Англіи, Германіи, въ Италіи и въ Россіи.

Изъ прикладной части политической экономіи, нерѣдко обозначаемой въ университетскихъ программахъ нелѣпыми названіями благоустройства и благочинія, или еще полицейскаго права, постепенно складывалось то обществовѣдѣніе—нѣмцы называютъ его Gesellschaftswissenschaft,—которымъ въ правѣ гордиться университеты Вѣны, Берлина, Лейпцига и Гайдельберга. Устраняя односторонность экономистовъ Манчестерской школы, которые строятъ свою науку на той ложной гипотезѣ, что человѣкъ—существо исключительно эгоистическое, и признавая, за одно съ Контомъ, альтруизмъ такимъ же, хотя бы и второстепеннымъ мотивомъ человѣческихъ дѣйствій, Шмоллеръ, Вагнеръ, Брентано, Шеффле и ряды другихъ постепенно вывели преподаваемую ими науку изъ узкихъ рамокъ ученія о накопленіи богатствъ. Примѣненіе статистическаго и историческаго метода къ изученію общественныхъ явленій и общественныхъ доктринъ, первые образцы чего даны были Кэтле, Книсомъ, Торольдомъ, Роджерсомъ, Инапа—

Штернегомъ и др., постепенно позволили намъ смотрѣть на современную систему производства, обмѣна и распредѣленія богатствъ, не какъ на нѣчто вѣчное и неизмѣнное, но какъ на преходящую стадію общественнаго развитія, которой предшествовалъ рядъ другихъ, въ свое время, быть можетъ, отвѣчавшихъ требованіямъ общественной пользы и потому разумныхъ. Введеніе сравнительнаго метода въ область этихъ историко-экономическихъ изслѣдованій, начало чему уже положено, несомнѣнно покажетъ, что эти стадіи развитія не составляютъ особенности той или другой націи или расы, и что поступательный процессъ въ этомъ отношеніи является всеобщимъ.

Это движеніе въ области преподаваемыхъ съ каѳедры общественно-экономическихъ доктринъ совпало съ новымъ направленіемъ, приданнымъ ученіямъ общественнаго обновленія Карломъ Марксомъ.

Въ другихъ областяхъ обществовѣдѣнія, начиная отъ исторіи вѣрованій и оканчивая исторіей права, примѣненіе историко-сравнительнаго метода имѣло такія же счастливыя послѣдствія, какъ и въ области экономики. Благодаря почину такихъ глубокихъ мыслителей и первостепенныхъ спеціалистовъ, какими являются Тайлоръ, извѣстный авторъ „Первобытной культуры“, Тиле, первый по времени систематическій обозрѣватель универсальныхъ религій въ ихъ историческомъ развитіи, Гарнанъ—историкъ развитія христіанской догматики, Мэ, Герингъ, Фюстель—де-Куланжъ и ряды другихъ родоначальниковъ сравнительно-историческаго правовѣдѣнія, мы имѣемъ возможность констатировать какъ отдѣльные фазисы развитія церкви, государства, права, такъ и порядокъ ихъ преемства.

Тотъ же историко-сравнительный методъ въ приложеніи къ антропологіи, этнографіи и этнологіи позволилъ намъ и въ области такъ называемой до-исторіи обнаружить ряды постепенныхъ наслоеній. Я думаю, что работы такихъ людей, какъ напр. Гильдебрандъ, де Мортилье, Морганъ, Манъ-Ленанъ, Баховенъ и Летурно болѣе будутъ

содѣйствовать построенію въ близкомъ будущемъ общественной эмбріологіи, чѣмъ соціологіи въ строгомъ смыслѣ слова. И я готовъ сказать то же и объ обширномъ трудѣ Герберта Спенсера.

Изъ этого, конечно, краткаго и неполнаго очерка успѣховъ, сдѣланныхъ конкретными науками объ обществѣ въ теченіе послѣдней половины столѣтія, вы могли прійти къ слѣдующему заключенію. Если въ области абстрактной соціологіи мы все еще продолжаемъ спорить объ основныхъ принципахъ, напр. о томъ, надо ли считать государство организмомъ, какъ хочетъ Спенсеръ и Вормсъ, или суперъ-организмомъ, какъ желаютъ этого другіе, напр. Фулье, или просто общественнымъ механизмомъ въ пользу чего высказывается Лестеръ Уордъ, то въ сферѣ конкретнаго соціологическаго знанія мы достигли уже нѣкоторыхъ прочныхъ результатовъ. Съ соціологіей повторяется такимъ образомъ то же, что прежде было съ біологіей. Какъ созданію послѣдней предшествовало развитіе естественной исторіи животныхъ и растеній, такъ и окончательному сложенію абстрактной науки объ обществѣ предшествуетъ движеніе въ пользу созданія естественной исторіи человѣческихъ обществъ.

Въ виду всего этого и въ нашей Школѣ соціологія, какъ наука несложившаяся, будетъ преподаваться болѣе съ точки зрѣнія ея метода и научныхъ задачъ, тогда какъ при изложеніи науки объ обществѣ мы будемъ имѣть въ виду одновременно указанія и на тѣ вопросы, которые могутъ считаться болѣе или менѣе рѣшенными, и на тѣ, которыхъ нельзя не признать открытыми. Вотъ почему въ нашей программѣ отведено мѣсто не однимъ систематическимъ курсамъ, но также коллективному обсужденію отдѣльныхъ вопросовъ обществовѣдѣнія.

Русская школа будетъ имѣть разумѣется въ виду прежде всего русскую дѣйствительность и русское прошлое. Но такъ какъ ни то, ни другое не можетъ быть понято безъ историко-сравнительнаго освѣщенія, то этимъ объяс-

няется присутствіе въ нашей программѣ систематическихъ курсовъ и объ общественномъ и политическомъ развитіи другихъ странъ, не говоря уже о такихъ курсахъ, обязательныхъ для всѣхъ школъ соціальныхъ наукъ, какъ исторія экономическаго развитія Европы или ея политическихъ учрежденій.

Мнѣ бы нужно было прибавить еще многое, но для этого нѣтъ сегодня необходимаго времени. Я кончу потому только выраженіемъ нашей признательности тѣмъ, кто почтилъ наше засѣданіе своимъ присутствіемъ. Ихъ лучшая награда, какъ и наша, будетъ разумѣется лежать въ сознаніи исполненнаго гражданскаго долга.

Русская Высшая Школа общественныхъ наукъ въ Парижѣ.

Отчетъ за 1901—1902 учебный годъ*).

Русская Высшая Школа въ Парижѣ заканчиваетъ первый годъ своего существованія. Открытая 14-го ноября прошлаго года и непрерывно функціонирующая по нынѣшній день, встрѣченная идейнымъ сочувствіемъ лучшей части русскаго общества и русской печати, поддерживаемая почти неожиданно большимъ числомъ какъ учащихъ, такъ и учащихся и удовлетворенная, наконецъ, сознаніемъ исполненія поставленной ею передъ собою программы занятій,—наша школа не можетъ считать свое дѣло ни мертворожденнымъ, ни преходящимъ. Напротивъ, она въ правѣ разсчитывать на продолженіе этого дѣла въ теченіе еще по крайней мѣрѣ ряда лѣтъ, и при такомъ длящемся характерѣ работы съ одной стороны и ея солидарности съ потребностями всѣхъ учащихся въ школѣ, въ настоящемъ и въ будущемъ, съ другой—совѣтъ профессоровъ этой школы пришелъ къ естественному рѣшенію по заключеніи каждаго года своей дѣятельности отчитываться въ ней какъ передъ лицомъ своего наличнаго состава, такъ и путемъ печати передъ всей той частью русскаго общества, которая не теряетъ

*) Этотъ отчетъ былъ прочитанъ 22-го іюня прошлаго года, въ день заключенія передъ вакаціями занятій въ этой школѣ, ея генеральнымъ секретаремъ Ю. С. Гамбаровымъ.

интереса къ вопросамъ свободы образованія и развитія чувства гражданскаго долга. Но прежде чѣмъ излагать передъ вами этотъ первый отчетъ, который по необходимости долженъ быть кратокъ, мнѣ кажется нелишнимъ,—въ виду распространенности нѣкоторыхъ ложныхъ представленій о нашей школѣ,—вспомнить въ немногихъ словахъ исторію возникновенія этой школы и указать по крайней мѣрѣ на главнѣйшія изъ поставленныхъ ей задачъ.

Формальный базисъ, на которомъ воздвигнута Русская Высшая Школа общественныхъ наукъ, лежитъ въ уставѣ русской группы международнаго Союза для развитія науки, искусствъ и образованія. Наша школа возникаетъ легально на основаніи 2-го п. 2-й ст. этого устава, предоставляющаго русской группѣ устраивать высшія международныя школы и народные университеты. Этотъ пунктъ устава русской группы мотивируетъ въ сущности возникновеніе и самой группы, такъ какъ выдвинутое въ ея уставѣ на первый планъ устройство международной школы при выставкѣ,—съ цѣлью объясненія собранныхъ на ней сокровищъ промышленности и искусства,—стоитъ въ слишкомъ отдаленномъ отношеніи ко вкусамъ и обычному направленію дѣятельности организаторовъ группы, дѣлающихся впослѣдствіи организаторами и Р. В. Ш. общественныхъ наукъ. Но организаціи этой послѣдней предшествуетъ краткій періодъ затишья, слѣдующій непосредственно за закрытіемъ парижской выставки осенью 1900 г. Это затишье переходитъ вскорѣ, т. е. уже въ самомъ началѣ 1901 г., въ періодъ еженедѣльныхъ публичныхъ лекцій, устроенныхъ тою же русской группою при живомъ содѣйствіи со стороны русскаго студенческаго общества въ Парижѣ. Говоря объ этомъ періодѣ публичныхъ лекцій, сыгравшихъ роль пробнаго камня и подготовительной стадіи къ открытію нашей школы, я не могу не вспомнить съ благодарностью имени М. А. Имбера, который былъ въ то время секретаремъ студенческаго общества и приложилъ немало труда и умѣнья къ организаціи упомянутыхъ лек-

ціи. Это были не случайныя публичныя лекціи, на которыя не пошли бы, можетъ-быть, многіе изъ принявшихъ въ нихъ участіе лекторовъ, а такія публичныя лекціи, которыя должны были перейти при стеченіи благопріятныхъ обстоятельствъ въ систематическое преподаваніе общественныхъ наукъ, и это было публично заявлено при самомъ открытіи лекцій. Стеченіе же благопріятныхъ обстоятельствъ, на которое разсчитывали устроители публичныхъ лекцій, не заставило долго ждать себя. Съ одной стороны, почтенный ростъ контингента парижскихъ слушателей этихъ лекцій и начавшійся уже на нихъ запросъ изъ Россіи не позволяли сомнѣваться ни въ возбуждаемомъ ими интересѣ, ни въ возможности поднять этотъ интересъ путемъ разумной систематизаціи читаемыхъ лекцій. Сюда присоединялась еще надежда и на спеціализацію аудиторіи, которая обезпечивалась, повидимому, не только наличнымъ составомъ учащейся русской колоніи въ Парижѣ, но и все увеличивавшимся приливомъ новой молодежи, не находившей себѣ мѣста на родинѣ. Съ другой стороны, лица, завѣдывавшія дѣлами русской группы, вошли въ сношенія по предмету преподаванія со многими русскими и французскими учеными, работающими въ тѣхъ или другихъ отрасляхъ обществознанія, и въ результатѣ этихъ сношеній получили увѣренность въ возможности обезпечить правильное и систематическое преподаваніе общественныхъ наукъ для русскихъ студентовъ въ Парижѣ. Такъ же благопріятно сложились легальныя условія для организаціи этого преподаванія, и вотъ въ виду всѣхъ указанныхъ обстоятельствъ русская группа международнаго Союза для развитія науки, искусствъ и образованія нашла возможнымъ ровно годъ тому назадъ, послѣ заключенія проф. Лучицкимъ серіи публичныхъ лекцій, не только объявить съ этой же каѳедры объ открытіи въ ноябрѣ минувшаго года Русской Высшей Школы общественныхъ наукъ въ Парижѣ, но и предложить собравшейся тогда въ большомъ числѣ публикѣ какъ основной статутъ, такъ и давно обдуманную программу

занятій этой школы. Въ назначенный срокъ школа начала свою работу, и ея программа, какъ вы увидите, была исполнена въ точности во всѣхъ своихъ существенныхъ частяхъ; эта программа съ естественнымъ развитіемъ ея деталей ложится въ основаніе дѣятельности школы на предстоящій годъ; она же останется въ силѣ, вѣроятно, еще не одинъ годъ. И это тождество программы не случайно: оно опирается на постоянство потребности и постоянство средствъ къ ея удовлетворенію. Постоянство потребности вытекаетъ изъ современныхъ условій общественнаго развитія, обязывающихъ каждаго относиться все болѣе и болѣе сознательно къ ходу общественной жизни и искать отвѣта на общественные запросы въ распространеніи научнаго знанія на область общественныхъ явленій. Постоянство средствъ къ удовлетворенію этой потребности предписывается требованіемъ устойчивости и континуитета для всякаго дѣла, разсчитаннаго на продолжительное время. Вотъ почему программа Р. В. Школы не можетъ мѣняться изъ года въ годъ, тѣмъ болѣе, что она представляетъ собою не простой учебный планъ, допускающій постоянныя измѣненія въ способахъ своего исполненія, а выраженіе, такъ сказать, научной profession de foi своихъ составителей. Поэтому же настоящая программа,—въ гораздо большей степени, чѣмъ статутъ и даже составъ Р. В. Школы,—можетъ служить для ея характеристики и стать, если можно такъ выразиться, ея конституціонной хартіей.

Всякій, кто умѣетъ читать и разбираться въ вопросахъ іерархіи и взаимозависимости наукъ, долженъ бы вынести уже изъ бѣглаго обзора программы Русской Высшей Школы точное представленіе какъ о задачахъ этой школы, такъ и о средствахъ, которыми она пользуется для разрѣшенія этихъ задачъ. Но такъ какъ умѣнье читать не можетъ, къ сожалѣнію, презумироваться въ нашемъ обществѣ, и мы слышали даже въ университетскихъ кругахъ и читали нѣсколько разъ въ нашей періодической печати

такое толкованіе задачъ Р. В. Школы и принятыхъ въ ней пріемовъ работы, которое не имѣетъ съ дѣйствительностью ничего общаго, то нѣсколько словъ объ этихъ задачахъ и способахъ ихъ разрѣшенія будутъ здѣсь, кажется, умѣстны. Имѣя въ виду организацію преподаванія научнаго обществознанія какъ для лицъ, спеціально отдающихся его изученію, такъ и для тѣхъ, кто хочетъ только дополнить имъ свое образованіе по другимъ отрасляхъ знанія, Р. В. Школа въ Парижѣ думаетъ достигнуть этой цѣли слѣдующими средствами. Во-первыхъ, она объединяетъ своей программой въ одно цѣлое многія научныя дисциплины, преподаваемыя съ давнихъ временъ, въ ущербъ единству общественнаго знанія, по тремъ совершенно обособленнымъ до сихъ поръ другъ отъ друга факультетамъ: философскому, юридическому и филологическому. Условіемъ этого объединенія служатъ или необходимость тѣхъ или другихъ научныхъ дисциплинъ для изученія общественныхъ наукъ, или непосредственное отношеніе ихъ къ тѣмъ или другимъ группамъ общественныхъ явленій. Во вторыхъ, Р. В. Школа исключаетъ изъ своей программы всѣ такъ-называемыя прикладныя отрасли обществознанія или допускаетъ ихъ лишь настолько, насколько онѣ входятъ составнымъ моментомъ въ чисто научныя диспиплины. И подобно тому, какъ парижская Ecole polytechnique не занимаясь ничѣмъ, кромѣ математическихъ и физико-химическихъ наукъ, предоставляетъ своимъ питомцамъ продолжать изученіе этихъ наукъ въ ихъ техническихъ примѣненіяхъ либо на практикѣ, либо въ такихъ спеціальныхъ школахъ, какими во Франціи выступаютъ Ecole centrale, Ecole des mines, Ecole des ponts et chaussées и т. д., такъ и программа нашей школы имѣетъ дѣло только съ научными отраслями обществознанія, устраняя отъ себя всѣ тѣ ихъ прикладныя части, которыя изучаются въ высшихъ профессіональныхъ школахъ, каковы, напримѣръ, теперешніе юридическіе факультеты, школы архивистовъ, журналистовъ, дипломатовъ, высшія торговыя и промышленныя

школы и т. п. Въ-третьихъ, идя навстрѣчу потребностямъ тѣхъ изъ своихъ слушателей, которые не имѣютъ возможности заниматься спеціально общественными науками и ищутъ все-таки общихъ знаній по этимъ наукамъ, Р. В. Школа организуетъ въ своихъ стѣнахъ, рядомъ съ систематическимъ преподаваніемъ общественныхъ наукъ, и отдѣльныя лекціи по наиболѣе крупнымъ вопросамъ этихъ наукъ,—лекціи, которыя она назначаетъ преимущественно въ вечерніе часы, когда люди, принадлежащіе разнымъ профессіямъ, или учащіеся въ разныхъ спеціальныхъ школахъ могутъ собраться на досугѣ для заполненія пробѣловъ своего слишкомъ спеціальнаго или вообще недостаточнаго образованія. Вотъ главныя задачи, ясно обозначенныя въ самой программѣ Р. В. Школы, и довольно вникнуть въ эти задачи, чтобы раздѣлаться съ однимъ изъ главныхъ упрековъ, обращенныхъ къ школѣ. Я имѣю въ виду, конечно, не инсинуаціи нашей реакціонной печати, которыя свободно могутъ быть оставлены безъ обсужденія, а упреки, дѣлаемые школѣ даже ея доброжелателями, которые не даютъ себѣ труда вникнуть должнымъ образомъ въ указанныя выше цѣли школы и въ приложенныя къ ихъ удовлетворенію средства. Этотъ упрекъ состоитъ въ утвержденіи о преобладаніи въ Р. В. Школѣ отрывочныхъ лекцій вмѣсто систематическихъ курсовъ по общественнымъ наукамъ и въ предположеніи отсутствія или недостатка системы въ постановкѣ предметовъ преподаванія этой школы. Въ основѣ этого упрека лежатъ слѣдующія ошибки. Во-первыхъ, не видятъ системы тамъ, гдѣ она несомнѣнно существуетъ, и видятъ систему тамъ, гдѣ ея вовсе не можетъ быть,—по крайней мѣрѣ въ преподаваніи общественныхъ наукъ. Сущность системы состоитъ, какъ извѣстно, въ порядкѣ знаній, и, устанавливая этотъ порядокъ по строго опредѣленному плану, программа курсовъ Р. В. Школы состоитъ въ полномъ соотвѣтствіи съ понятіемъ системы. Но если подъ систематическимъ преподаваніемъ разумѣть только исчерпывающіе все содержа-

ніе той или другой науки курсы, то, при чрезвычайной обширности матеріаловъ и подраздѣленій каждой общественной науки, такихъ систематическихъ курсовъ въ настоящее время не преподается нигдѣ и не можетъ нигдѣ преподаваться. Во-вторыхъ, упрекъ въ недостаткѣ системы, обращаемый къ Р. В. Ш., базируется главнымъ образомъ на читаемыхъ въ ней по вечерамъ публичныхъ лекціяхъ. Между тѣмъ эти публичныя лекціи предзначены, какъ это уже разъяснялось, для смѣшанной аудиторіи и поэтому существенно отличны отъ курсовыхъ чтеній, составляющихъ центръ тяжести преподаванія школы и имѣющихъ предметомъ не отдѣльные вопросы, а цѣлыя отрасли той или другой общественной науки. Въ-третьихъ, противъ того же упрека въ недостаткѣ или неполнотѣ систематическихъ курсовъ можно было бы еще замѣтить, что дѣлающія его лица имѣютъ въ виду не преподаваніе Р. В. Ш. въ его цѣломъ, а судятъ объ этомъ преподаваніи по одному первому его году, соотвѣтствующему лишь первому курсу университетовъ и другихъ высшихъ школъ. Наконецъ, въ-четвертыхъ, слѣдующій ниже отчетъ Русской Высшей Школы показываетъ, что даже въ первый годъ своего существованія эта школа даетъ такое количество систематическихъ курсовъ и отдѣльныхъ лекцій, какое едва ли можно встрѣтить на соотвѣтствующихъ факультетахъ университетовъ и другихъ высшихъ школъ.

Переходя теперь къ изложенію этого отчета, я представлю сначала личный составъ и совокупность дѣятельности Р. В. Школы въ круглыхъ цифрахъ, а потомъ передамъ вкратцѣ и содержаніе того, что заключено въ эти цифры.

Учащій персоналъ Р. В. Ш. общественныхъ наукъ за истекшій 1901—1902 учебный годъ состоялъ изъ 13-ти лицъ, преподававшихъ систематическіе курсы, 6-ти лицъ, учившихъ языкамъ,—французскому, нѣмецкому и англійскому,—и 32-хъ лицъ, читавшихъ дополнительные курсы и отдѣльныя лекціи; изъ числа этихъ послѣднихъ 20 человѣкъ читали по-русски, 12—по-французски. Учащійся пер-

соналъ разбивался на двѣ группы: а) постоянныхъ слушателей и слушательницъ, внесенныхъ въ списки школы, и б) посѣтителей отдѣльныхъ лекцій, платившихъ за входъ 30 сантимовъ. Постоянныхъ слушателей и слушательницъ записалось на первый семестръ свыше 260-ти человѣкъ, и къ нимъ на второй семестръ присоединилось еще 94; въ общемъ—около 360-ти человѣкъ. Списка посѣтителей отдѣльныхъ лекцій не велось, но если судить по числу выданныхъ входныхъ, билетовъ, превысившихъ 3,500, и, можетъ-быть, не меньшему числу безплатныхъ билетовъ, эти посѣтители были весьма многочисленны и доводили составъ аудиторіи на нѣкоторыхъ вечернихъ лекціяхъ до 400 и 500 человѣкъ.

Число систематическихъ курсовъ, читавшихся по программѣ школы, равнялось 22-мъ, а число имъ посвященныхъ часовъ—331. 90 часовъ было занято дополнительными курсами и отдѣльными лекціями. Сумма часовъ, отведенныхъ систематическимъ курсамъ и отдѣльнымъ лекціямъ, составила 421 часъ. Сверхъ того по тремъ курсамъ, —исторіи литературы, государственному праву и общей теоріи права,—велись практическія занятія, а по курсу антропологіи предпринимались объяснительныя экскурсіи въ музеи. Наконецъ, по языкамъ четыре постоянныхъ курса было посвящено французскому языку и по одному—нѣмецкому и англійскому.

Переходя отсюда къ обозрѣнію содержанія читанныхъ курсовъ и отдѣльныхъ лекцій, слѣдуетъ оговориться, что настоящее изложеніе будетъ по необходимости неполно и неравномѣрно, такъ какъ въ короткое время нельзя передать всего, что дѣлается въ теченіе года, и кромѣ того предлагаемая передача основана главнымъ образомъ на программахъ лекторовъ, изъ коихъ далеко не всѣ находятся сейчасъ на-лицо. Держась порядка изложенія знакомой вамъ программы-манифеста Русской Высшей Школы общественныхъ наукъ, по 1-му отдѣлу этой программы, озаглавленному «философіей и методологіей математиче-

скихъ, физико-химическихъ и біологическихъ наукъ», я могу назвать только неоконченный курсъ г. Крушкола по «основнымъ принципамъ физики», въ 4 лекціи, два систематическихъ курса г. Анри по «ассоціаціи идей» и «физіологическимъ функціямъ головнаго мозга», въ 26 лекцій, и двѣ слишкомъ короткія, хотя и двухчасовыя, лекціи нашего знаменитаго біолога и почетнаго предсѣдателя Русской Высшей Школы И. И. Мечникова, скромно назвавшаго свои лекціи «Очеркомъ воззрѣній на человѣческую природу». Въ виду особаго интереса и значенія основной мысли, проводимой въ лекціяхъ И. И. Мечникова, я позволю себѣ привести ихъ заключеніе. «Уже одна возможность,—говорилъ И. И. Мечниковъ,—предвидѣть въ будущемъ болѣе приспособленное развитіе человѣка, когда всѣ возрасты его и особенно старость будутъ урегулированы согласно основнымъ стремленіямъ нашихъ инстинктовъ и нашей воли, позволяетъ надѣяться на то, что истинную цѣль жизни составляетъ прохожденіе полнаго, гармоническаго цикла развитія человѣка и человѣческихъ обществъ. Общее благо, счастье и прочее получаютъ такимъ образомъ болѣе ясный и опредѣленный смыслъ и могутъ быть признаны дѣйствительнымъ удѣломъ усовершенствованныхъ людей. Вмѣсто пессимистическихъ воззрѣній на человѣческую природу, ведущихъ къ чисто пассивному отреченію отъ блага жизни, къ смиренію и сознательной нирванѣ, открывается гораздо болѣе оптимистическая перспектива существованія, которое должно быть налажено человѣкомъ при помощи дѣятельнаго участія инстинктовъ, желаній, воли и положительнаго знанія».

О настоящемъ отдѣлѣ программы школы нужно замѣтить, что онъ находится еще въ періодѣ образованія и принадлежитъ вообще къ числу наименѣе разработанныхъ. Въ слѣдующему году этотъ отдѣлъ будетъ усиленъ по крайней мѣрѣ на два курса, гарантированныхъ школѣ: одинъ—молодымъ физикомъ Семеновымъ и другой—біологомъ московскаго университета Кольцовымъ.

По II-му отдѣлу программы, гласящему въ своемъ заголовкѣ «Философія и методологія общественныхъ наукъ», Русская Высшая Школа дала три систематическихъ курса, гг. Карѣева, де-Роберти, М. Ковалевскаго, и серію лекцій В. Чернова, также объединенныхъ общей идеей. Курсъ Н. И. Карѣева былъ озаглавленъ «Введеніе въ изученіе соціологіи», состоялъ изъ 6-ти лекцій и выяснялъ съ одной стороны понятіе соціологіи, а съ другой—господствующія въ ней направленія. Курсъ Е. В. де-Роберти назывался« Общей соціологіей» и состоялъ изъ вступительной лекціи, доказывавшей главнымъ образомъ гипотетическій характеръ исходныхъ точекъ и наиболѣе общихъ положеній современной соціологіи, двухъ лекцій, посвященныхъ исторіи общественныхъ наукъ съ древнихъ временъ до С.-Симона и О. Конта, и тринадцати лекцій, имѣвшихъ предметомъ обзоръ и критику новѣйшихъ соціологическихъ ученій и системъ (числомъ около 50-ти). Курсъ М. М. Ковалевскаго, озаглавленный «Современные соціологи» и содержавшій въ себѣ 14 лекцій, знакомилъ слушателей и слушательницъ болѣе всего съ психо-соціологической доктриной Тарда и ученіемъ историческаго матеріализма. В. Черновъ въ рядѣ лекцій, занявшихъ не менѣе 10-ти часовъ и имѣвшихъ своею основной темой такъ-называемый «соціологическій монизмъ», трактовалъ съ этой точки зрѣнія объ историческомъ идеализмѣ, экономическомъ матеріализмѣ, юридической школѣ и такъ-называемомъ имъ «всестороннемъ монизмѣ»; далѣе онъ привлекалъ къ своему разсмотрѣнію классификаціи общественныхъ группъ, органическую школу въ соціологіи и теорію «борьбы за индивидуальность»; сословная и классовая борьба представлялась въ его изложеніи частнымъ случаемъ «борьбы за индивидуальность» и изслѣдовалась особо въ ея отношеніи къ личности и государству.

Въ настоящій же отдѣлъ программы могутъ быть отнесены и слѣдующіе прочитанные въ школѣ дополнительные курсы и отдѣльныя лекціи: 1) «Объективная необходимость прогресса», двѣ двухчасовыя лекціи А. И. Яроц-

каго; 2) «Юриспруденція и соціологія», одна двухчасовая лекція С. А. Муромцева; 3) «Введеніе къ изученію Французскаго языка», одна лекція г. Бойе; 4) «Введеніе въ изученіе исторіи», одна лекція И. И. Щукина; 5) его же «Литература по исторіи русскаго права», одна лекція, служащая вступленіемъ къ обѣщанному на будущій годъ курсу по самой исторіи русскаго права; 6) «Interpsychologie», одна лекція на французскомъ языкѣ Г. Тарда; 7) «Les concepts scientifiques», также одна лекція по-французски г. Козловскаго; 8) «Опытъ научнаго объясненія красоты и искусства», короткій курсъ въ три лекціи Л. Е. Оболенскаго. Чувство красоты опредѣлялось г. Оболенскимъ какъ одинъ изъ видовъ удовольствія, отличной отъ другихъ его видовъ своею связанностью только со зрительными и слуховыми впечатлѣніями. Далѣе указывалось на противорѣчіе и обусловленность формъ красоты въ разныя эпохи и у разныхъ народовъ; устанавливалась нервно-физіологическая формула удовольствія вообще и чувства красоты въ частности, и эта формула иллюстрировалась многочисленными данными, принадлежащими области физики и физіологіи. Въ заключеніе выяснялось соотношеніе между тѣми или другими состояніями обществъ и подъемомъ или паденіемъ художественнаго творчества.

По III отдѣлу программы, именуемому «Всеобщей исторіей и описательной соціологіей», читалось четыре систематическихъ курса: одинъ—М. М. Ковалевскаго «О происхожденіи американской гражданственности», другой—Н. И. Карѣева «О роли личности въ исторіи» и два—М. И. Тамамшева—«Очерки по исторіи культуры Передней Азіи» и «Исламъ съ калифатомъ». М. М. Ковалевскій изслѣдовалъ въ своемъ курсѣ, взявшемъ 32 часа, общественный и политическій строй Англіи въ моментъ начавшейся колонизаціи Сѣверной Америки; отсюда онъ переходилъ къ древнѣйшимъ поселеніямъ англичанъ на американскомъ материкѣ и въ частности къ колоніямъ Новой Англіи, Виргиніи, Мэриланду, Пенсильваніи и обѣимъ Каролинамъ, не

опуская соціальной и политической организаціи этихъ колоній; послѣднюю часть курса составляла исторія происхожденія федеральной конституціи. Курсъ Н. И. Карѣева «О роли личности въ исторіи» состоялъ изъ десяти лекцій и имѣлъ задачей выясненіе этой роли въ историческомъ процессѣ, подраздѣляемомъ нашимъ извѣстнымъ историкомъ на «прагматическій» и «культурный» процессы. Въ «прагматическомъ процессѣ», слагающемся изъ событій въ ихъ причинной связи, Н. И. Карѣевъ останавливался особенно на причинномъ соотношеніи человѣческихъ поступковъ, усматривая между поступкомъ-причиной и поступкомъ-слѣдствіемъ внутренній психическій актъ—мотивъ поступка. Высказываясь въ общемъ противъ выдѣленія «великихъ людей» изъ «массы», лекторъ настаивалъ на той мысли, что между отдѣльными лицами, участвующими въ «прагматическомъ процессѣ исторіи», существуетъ градація, условленная степенью самостоятельности и оригинальности поведенія того или другаго лица и воздѣйствія его на другихъ людей. Въ «культурномъ процессѣ», заключающемъ въ себѣ эволюцію состояній и формъ, въ которыхъ протекаетъ жизнь человѣка (языкъ, обычаи, вѣрованія, общественныя отношенія), Н. И. Карѣевъ подчеркивалъ особо вліяніе культурной среды и приходилъ къ заключенію, что здѣсь, какъ и въ «прагматическомъ процессѣ», значеніе личности бываетъ различно: все рѣшается индивидуальными отклоненіями отъ господствующихъ формъ и личной иниціативой, влекущей за собою подражаніе. Отношеніе между «прагматическимъ» и «культурнымъ» процессами исторіи лекторъ рекомендовалъ понимать какъ взаимодѣйствіе личности и культурно-соціальной среды. Курсъ М. И. Тамамшева по древней культурѣ Передней Азіи, изложенный въ девяти лекціяхъ, заключалъ въ себѣ, во-1-хъ, Вавилоно-Ассирію, во-2-хъ, древнюю Персію и, въ 3-хъ, монархію Александра Македонскаго. Вавилонская культура представлялась какъ первоисточникъ культуры всего извѣстнаго намъ древняго міра; разъяснялось значеніе откры-

тій, сдѣланныхъ при раскопкахъ въ Мессопотаміи Ботомъ, Лейхардомъ, Сарзэномъ и другими какъ для библейской исторіи, такъ и для разрѣшенія многихъ историко-географическихъ загадокъ; давались свѣдѣнія о религіи и общественно-государственномъ бытѣ Вавилоно-Ассиріи, и въ качествѣ источниковъ этихъ свѣдѣній указывались барельефы, стѣнныя надписи, библіотека царя Ассурбанипала (глиняныя дощечки) и т. д. По культурѣ и исторіи древнихъ персовъ излагалось ученіе Зороастра, административный строй и походы въ Скиѳію Дарія Гистаспа. Въ связи съ монархіей Александра Македонскаго указывалось на эллинизацію Востока. Второй курсъ М. И. Тамамшева, посвященный исламу и калифату, излагалъ значеніе Магомета и его религіозной реформы для арабовъ, смыслъ корана, появленіе религіозно-философскихъ сектъ, послѣдующую роль арабовъ во всемірной исторіи цивилизаціи, организацію калифата, административно-финансовыя учрежденія и общественную жизнь во время калифата. Подъ настоящую рубрику программы попадаютъ слѣдующія лекціи, читанныя въ школѣ: 1) Леонъ Лакуръ—«О женскомъ вопросѣ», три лекціи на французскомъ языкѣ; 2) г-жа Ширмахеръ—«Феминизмъ въ Германіи», три лекціи на французскомъ языкѣ; 3) Валишевскій: а) «Страница изъ русской исторіи XVIII в.» и б) Опричина при Іоаннѣ Грозномъ», двѣ лекціи по-французски; 4) Брандесъ—«Великіе люди, какъ источникъ и цѣль цивилизаціи», двѣ лекціи, тоже по-французски, и 5) А. А. Исаевъ—«Чего ждать женщинѣ отъ соціализма», двѣ лекціи. На будущій годъ систематическіе курсы по всеобщей и русской исторіи обѣщаны еще сверхъ названныхъ выше лицъ И. В. Лучицкимъ, А. С. Трачевскимъ и П. Н. Милюковымъ.

По IV отдѣлу программы, имѣющему предметомъ «антропологію и этнографію», Русская Высшая Школа могла предложить пока своимъ слушателямъ только одинъ систематическій курсъ—Ѳ. К. Волкова,—въ 32 лекціи, посвященный «Основнымъ началамъ антропологіи». Этотъ курсъ

начинался опредѣленіемъ мѣста антропологіи въ общей системѣ наукъ, предмета антропологіи, ея метода и соотношенія съ науками общественными. Разсматривая затѣмъ строеніе земной коры и исторію развитія на ея поверхности органической жизни, Ѳ. К. Волковъ обращалъ болѣе всего вниманія на послѣдовательность появленія различныхъ органическихъ формъ, на ихъ генетическую связь и останавливался особо подробно на группѣ приматовъ,—въ частности на строеніи антропоидныхъ обезьянъ; въ этой связи излагались и новыя открытія д-ра Дюбуа на островѣ Явѣ, и существующія теоріи о человѣкѣ третичной эпохи. Пособіемъ для этой части курса г. Волкова служили таблицы, рисунки и нѣкоторые предметы, предоставленные въ его распоряженіе профессорами Gaudry и Manouvrier, а также осмотры палеонтологическихъ коллекцій въ галлереяхъ Jardin des plantes и сравнительно-анатомической галлереѣ Музеума. Переходя далѣе къ человѣку четвертичной эпохи, лекторъ ознакомлялъ свою аудиторію какъ съ антропологическими особенностями палеолитическаго населенія Европы, такъ и съ его индустріей, бытомъ, началами искусства, раздѣленія труда и т. д. При изложеніи свѣдѣній о бытѣ человѣчества въ неолитическую эпоху Ѳ. К. Волковъ указывалъ на появленіе въ Европѣ новыхъ расъ, принесшихъ съ собою болѣе высокую культуру, и говорилъ объ одомашненіи земледѣльческихъ животныхъ, о керамикѣ, одеждѣ, жилищахъ, равно какъ о религіозныхъ представленіяхъ, погребеніи мертвыхъ, торговыхъ сношеніяхъ, зарожденіи первичныхъ формъ общественности и т. д., опираясь при этомъ какъ на вещественныя данныя, такъ и на матеріалы сравнительной этнографіи. Пособіемъ для этой части курса служили посѣщенія антропологической галлереи Музеума и этнографическаго музея въ Трокадеро, нарочно открытыхъ для студентовъ Русской Высшей Школы въ свободное отъ посѣщенія обыкновенной публикой время. Послѣдняя часть курса была посвящена эпохѣ бронзы и начала желѣза, причемъ главное вниманіе обращено на по-

степенное развитіе орудій и способовъ удовлетворенія важнѣйшихъ потребностей жизни. Курсъ былъ заключенъ критическимъ разборомъ теорій расъ и доисторическаго прошлаго славянъ, а въ отношеніи ознакомленія съ вещественными памятниками старины—поѣздкой въ С.-Жерменъ для осмотра музея національныхъ древностей. Къ настоящему же отдѣлу программы могутъ быть пріурочены и двѣ лекціи Тана (В. Богораза) о путешествіи въ Камчатку и Чукотскую землю.

По V отдѣлу программы, отведенному «исторіи религій», было дано два систематическихъ курса, одинъ дополнительный и одна публичная лекція. Систематическіе курсы принадлежали И. И. Щукину и Е. В. Аничкову: первый прочелъ 6 лекцій по «религіозному и общественному движенію въ XIV и XV вѣкахъ»; второй—14 лекцій по «русскому язычеству въ прошломъ и настоящемъ». Послѣдній курсъ начинался съ указанія на различные способы изученія язычества и останавливался особо на народной обрядности и представленіяхъ о богахъ и Богѣ—преимущественно у славянъ. Народные обряды изучались Е. В. Аничковымъ по двумъ группамъ: заклинаніямъ и очищеніямъ, причемъ тѣ и другія ставились въ ближайшую связь съ условіями хозяйственной жизни. Особому разсмотрѣнію подвергался анимизмъ, принимаемый лекторомъ не за первоначальную, а за слѣдующую послѣ эгоцентризма форму религіознаго сознанія. При переходѣ къ высшему проявленію религіознаго сознанія—понятію Бога, которому предшествовали понятія боговъ, семьи боговъ и одного личнаго Бога, лекторъ прослѣживалъ процессъ образованія боговъ и говорилъ о шаманствѣ, почитаніи героевъ, культѣ предковъ, тотемизмѣ и т. д. Особое вниманіе было обращено на славянскіе факты древопоклоненія, объясняемые лекторомъ обрядомъ весенняго заклинанія. Далѣе г. Аничковъ выяснялъ возникновеніе представленія о Богѣ изъ обрядоваго эгоцентризма, изслѣдуя различныя формы жертвоприношенія, и въ заключеніе указывалъ на недостаточность на-

шихъ свѣдѣній какъ о богахъ у славянъ, такъ и о процессѣ развитія у нихъ единобожія; отношеніе христіанства къ язычеству дало лектору поводъ къ нѣсколькимъ обобщеніямъ о характерѣ нашего сектантства и религіозныхъ ученій нѣкоторыхъ инородцевъ. Дополнительный курсъ, озаглавленный «Начало цивилизаціи» и состоявшій изъ трехъ лекцій, былъ прочитанъ на французскомъ языкѣ Эли Реклю, а публичная лекція на тему «Почему Богъ Израиля завоевалъ западный міръ», тоже на французскомъ языкѣ, была предложена г. Блонденомъ.

По VI отдѣлу программы, относящемуся къ «эволюціи экономическаго быта и экономическихъ ученій», прочитаны три систематическихъ курса: Карышева—«Основы политической экономіи», 30 лекцій; Ковалевскаго—«Экономическая исторія Европы—цеховое хозяйство и рабочій вопросъ въ Средніе вѣка», 12 лекцій, и Исаева—«О соціализмѣ нашихъ дней», 10 лекцій. Курсъ Н. А. Карышева, занимался въ своей первой половинѣ ученіемъ о производствѣ и хозяйствѣ, которому предпосылались общія понятія о задачахъ и методахъ политической экономіи и обзоръ классификацій различныхъ ступеней хозяйственнаго быта. Переходя къ ученію о хозяйствѣ, Н. А. Карышевъ излагалъ эволюцію разныхъ формъ организаціи производства, отъ ремесленной до фабричной, и отмѣчалъ характерныя черты каждой изъ нихъ. При сравненіи преимуществъ и недостатковъ крупнаго и мелкаго производства въ индустріи, и особенно въ сельскомъ хозяйствѣ, лекторъ посвятилъ нѣсколько лекцій полемикѣ Каутскаго и его послѣдователей съ представителями критической школы и закончилъ настоящую часть курса изложеніемъ теоріи кооперації, которую онъ считаетъ наиболѣе удачнымъ синтезомъ обоихъ типовъ хозяйства. Содержаніе второй части курса Н. А. Карышева составили ученія о доходѣ, рентѣ, заработной платѣ, прибыли и теорія цѣнности.

Курсъ М. М. Ковалевскаго по экономической исторіи Европы состоялъ главнымъ образомъ въ характеристикѣ

помѣстнаго и цехового хозяйства среднихъ вѣковъ. Наконецъ, курсъ А. А. Исаева «О соціализмѣ нашихъ дней» заключалъ въ себѣ разборъ программы соціальной демократіи, общественной эволюціи съ точки зрѣнія соціализма, отношеній соціалистовъ къ аграрному вопросу, союзамъ рабочихъ, фабричному законодательству, стачкамъ, синдикатамъ, таможенной политикѣ, милитаризму и т. д. Далѣе А. А. Исаевъ изслѣдовалъ вліяніе соціализма на умственное развитіе и нравы, дѣятельность соціалистовъ въ парламентахъ и городскомъ управленіи, преслѣдованіе соціалистовъ государствомъ и господствующими классами, литературную борьбу съ соціализмомъ и въ заключеніе задавался вопросомъ объ осуществимости соціалистическихъ идеаловъ на практикѣ.

Къ экономическому отдѣлу программы принадлежатъ еще слѣдующіе дополнительные курсы и лекціи, прочитанные въ Русской Высшей Школѣ: 1) П. Н. Апостолъ—«Промысловые синдикаты», 5 лекцій; 2) Литманъ—«Ростъ заработной платы»; 3) Г. Б. Іоллосъ—«Соціальное законодательство и соціальная политика въ Германіи» (введеніе), 4 лекціи; 4) М. Уларъ—«Экономическое положеніе Китая», 3 лекціи на французскомъ языкѣ.

Экономическая программа Р. В. Школы на будущій годъ должна быть значительно расширена, такъ какъ обѣщаніе спеціальныхъ курсовъ получено сверхъ названныхъ выше лекторовъ еще отъ слѣдующихъ лицъ: Н. А. Каблукова, М. И. Туганъ-Барановскаго, К. Р. Качоровскаго, А. Метэна, Э. Вандервельда и Ж. Лагарделя.

По VII отдѣлу программы, имѣющему дѣло съ «исторіей политическихъ теорій и учрежденій», читалось два курса М. М. Ковалевскаго, каждый по 12-ти часовъ: одинъ —по исторіи сословій въ Россіи, другой—по конституціонному праву. Въ первомъ изъ этихъ курсовъ, сопровождавшемся историческимъ семинаріемъ, предметами изученія были древнѣйшая исторія русскаго служилаго сословія, происхожденіе рабства и крѣпостной зависимости, освобожденіе крестьянъ и устройство ихъ экономическаго быта. Въ

курсѣ по конституціонному праву М. М. Ковалевскій знакомилъ своихъ слушателей и слушательницъ съ основами современнаго конституціоннаго строя въ Европѣ и Америкѣ, съ публичными и политическими правами гражданъ, сь предѣлами государственнаго вмѣшательства, съ организаціей и функціями представительныхъ палатъ, съ ученіемъ о раздѣленіи властей, съ характеромъ исполнительной власти въ конституціонныхъ монархіяхъ и республикахъ и съ судебнымъ контролемъ за чиновниками и министрами въ частности. Къ настоящему отдѣлу программы можетъ быть присоединена и двухчасовая лекція г. Сеньобоса на французскомъ языкѣ «О современномъ положеніи политическихъ партій во Франціи». Этотъ же отдѣлъ программы долженъ быть дополненъ на будущій годъ преподаваніемъ гг. Дьяконова, Свѣшникова, Скалона, Щепкина и др.

По VIII отдѣлу программы, занятому «исторіей учрежденій и ученій гражданскаго права», читалось два систематическихъ курса: одинъ—Ю. С. Гамбаровымъ подъ заглавіемъ «Историческое введеніе въ изученіе гражданскаго права», 24 лекціи, и другой—М. М. Винаверомъ подъ заглавіемъ «Гражданское право современной Европы», 12 лекцій. Первый изъ этихъ курсовъ задавался слѣдующими цѣлями: во-первыхъ, онъ хотѣлъ установить точку зрѣнія, съ которой право должно быть предметомъ изученія въ Р. В. Школѣ; во-вторыхъ, онъ имѣлъ въ виду подготовить почву для этого изученія сообщеніемъ общихъ свѣдѣній о правѣ въ его цѣломъ и о гражданскомъ правѣ въ частности; въ-третьихъ, онъ стремился представить въ историческомъ развитіи процессъ обособленія гражданскаго права въ трехъ главныхъ моментахъ этого процесса: освобожденіи личности отъ общественныхъ союзовъ, противоположеніи денежнаго хозяйства натуральному и разграниченіи сферъ государственной и индивидуальной дѣятельности; въ-четвертыхъ, для объясненія современнаго состоянія и разграниченія научнаго и ненаучнаго правовѣдѣнія давались историческій очеркъ различныхъ состояній гражданскаго право-

вѣдѣнія въ различные періоды его развитія и обзоръ различныхъ пріемовъ его обработки. Съ этимъ курсомъ были соединены и практическія занятія по общей теоріи права.

Курсъ М. М. Винавера былъ посвященъ въ своихъ первыхъ лекціяхъ ознакомленію слушателей съ основными моментами развитія гражданскаго права въ древнемъ Римѣ, съ ролью римскаго и національнаго элементовъ въ современныхъ европейскихъ законодательствахъ, съ исторіей кодификаціи гражданскаго права во Франціи и Германіи и съ основными моментами гражданско-правового строя Россіи. Затѣмъ изложено было ученіе общей части гражданскаго права, обязательственнаго и вещнаго права, съ особеннымъ выдѣленіемъ въ области обязательственнаго права договоровъ купли-продажи, личнаго и имущественнаго найма и обязательствъ, возникающихъ изъ недозволенныхъ дѣйствій; въ области вещнаго права—ученія о собственности. Всѣ институты излагались съ точки зрѣнія ихъ историческаго развитія и окончательной формулировки въ современныхъ законодательствахъ Франціи, Германіи и Россіи. Сверхъ этого курса М. М. Винавером̀ъ была прочтена еще публичная лекція объ «историзмѣ и кодификаціи въ XIX в.».

По IX отдѣлу программы, озаглавленному «Соціальная криминологія», читались слѣдующія лекціи: 1) «Біологическіе и соціальные факторы преступности», четыре лекціи д-ра Л. И. Шейниса. Въ этихъ лекціяхъ указывалось прежде всего на ненаучность постановки ученія о преступности, доколѣ преступленіе считается только проявленіемъ злой воли преступника. Важную заслугу итальянской школы криминалистовъ съ Ломброзо во главѣ лекторъ видѣлъ въ томъ, что эта школа заставила подвергнуть серьезной критикѣ общепринятыя положенія классической школы уголовнаго права и направила объясненіе преступности отъ метафизическихъ представленій о свободѣ воли къ условіямъ дѣйствительности. Но Л. И. Шейнисъ осуждаетъ въ то же время какъ чисто антропологическую, такъ и антрополого-психіатрическую теорію преступности итальян-

скихъ криминалистовъ, такъ какъ понятіе преступности, какъ юридическое понятіе, несовмѣстимо съ біологическими понятіями наслѣдственности, атавизма, врожденности и требуетъ соображенія соціальныхъ факторовъ преступности въ гораздо большей степени, чѣмъ это допускается Ломброзо и его послѣдователями. Л. И. Шейнисъ привлекалъ далѣе къ своему разсмотрѣнію и теорію Тарда, ставящую преступность въ зависимость отъ «законовъ подражанія», упрекалъ эту теорію въ томъ, что она не считается съ экономическими условіями, и приходилъ къ заключенію, что преступникъ—не продуктъ біологическаго атавизма, а плоть отъ плоти и кость отъ кости современнаго ему общества.

2) «Общая характеристика новыхъ ученій въ области преступленія и наказанія», двѣ лекціи М. П. Чубинскаго. Въ этихъ лекціяхъ разъяснялись понятія уголовнаго права, его задачи, методы и кругъ вѣдѣнія; противопоставлялись строго-юридическія теоріи и теоріи новаторовъ; признавалась непригодность узко-формальнаго пониманія науки уголовнаго права и устанавливалось соотношеніе между ея юридическимъ и уголовно-политическимъ элементами; наконецъ, оцѣнивалось значеніе для уголовнаго права работъ соціологическихъ, антропологическихъ, психологическихъ и т. д.; затѣмъ лекторъ разсматривалъ основные моменты наказанія и подчеркивалъ преступленіе какъ исходный пунктъ; указывалъ на юридическую и соціальную важность принципа «nullum crimen, nulla poena sine lege»; разъяснялъ значеніе личности преступника и значеніе мотива, какъ связующаго звена между дѣяніемъ и дѣятелемъ; классифицировалъ преступленія и преступниковъ и настаивалъ на принципѣ индивидуализаціи въ наказаніи. Въ заключеніе М. П. Чубинскій говорилъ о недостаточности наказанія въ дѣлѣ борьбы съ преступностью и о необходимости для этого мѣръ превентивныхъ.

3) «Вопросы вмѣненія и уголовной отвѣтственности въ позитивномъ освѣщеніи», четыре лекціи А. С. Гольденвейзера. Лекторъ характеризуетъ переворотъ, произведен-

ный въ научномъ міровоззрѣніи позитивной философіей XIX вѣка въ области не только такъ-называемыхъ точныхъ наукъ, но и въ мірѣ душевныхъ процессовъ. Явленія воли понимаются въ смыслѣ одной изъ многочисленныхъ функцій внутренней энергіи и продукта сложныхъ процессовъ, въ значительной степени безсознательныхъ; «злая воля» есть словесный терминъ, которому не соотвѣтствуетъ ничего реальнаго внутри человѣка. Существующія системы наказанія построены на метафизическомъ основаніи и отражаютъ на себѣ пережитыя состоянія и воззрѣнія. Безплодность устрашительныхъ наказаній, занимающихъ понынѣ господствующее положеніе въ классическомъ уголовномъ правѣ, должна быть признана не только въ настоящемъ, но и въ прошломъ. Современное научное воззрѣніе на душевныя функціи человѣка произвело уже полный переворотъ въ пріемахъ воздѣйствія на умалишенныхъ и малолѣтнихъ преступниковъ. Принципъ устрашенія уступилъ мѣсто принципу «попеченія». Такъ же рисуется картина новаго обращенія и со взрослыми преступниками. На смѣну силы проклятія выступаютъ силы благословенія.

4) «Біологическая теорія преступленія», одна лекція Макса Нордау, на французскомъ языкѣ.

5) «Теорія прирожденныхъ преступниковъ», одна лекція Мануврie, тоже на французскомъ языкѣ.

Недостатокъ систематическихъ курсовъ по уголовному праву въ нынѣшнемъ учебномъ году будетъ восполненъ въ программѣ слѣдующаго года курсами, обѣщанными Р. В. Школѣ В. В. Пржевальскимъ—по уголовной соціологіи и Л. И. Шейнисомъ—по уголовной антропологіи.

По X отдѣлу программы, долженствующему представить «эволюцію метафизическихъ системъ, нравственныхъ понятій и ученій», читался курсъ исторіи философіи Е. В. де-Роберти, въ 14-ти лекціяхъ. Исходя изъ положенія, что религіозныя вѣрованія и метафизическія построенія составляютъ лишь двѣ основныя историческія разновидности философской мысли, одновременно и глубоко отличной отъ

мысли научной, прямо зависящей отъ нея и черпающей изъ нея все свое положительное содержаніе (законъ соотношенія между философіей и рядомъ спеціальныхъ наукъ), —Е. В. де-Роберти разсматривалъ въ своемъ курсѣ съ точки зрѣнія названнаго закона развитія философіи три типа, къ которымъ сводятся всѣ историческія и современныя проявленія односторонняго метафизическаго мышленія: матеріализмъ, идеализмъ и сенсуализмъ (законъ трехъ типовъ метафизики). Кромѣ того по настоящему же отдѣлу программы Е. В. де-Роберти произнесъ рѣчь при открытіи Русской Высшей Школы на тему «Что такое философія?», а гг. Осипъ Лурье и С. Грузенбергъ прочли публичныя лекціи: первый—на тему «О мистицизмѣ и этикѣ В. Соловьева», одна лекція; второй—«Объ идеѣ состраданія въ философіи Шопенгауера и Ницше», три лекціи.

По XI отдѣлу программы, имѣющему своимъ предметомъ «исторію изящной литературы и искусствъ», читался курсъ Е. В. Аничкова «О литературныхъ теоріяхъ XIX вѣка». Ставя въ центрѣ этого курса вопросъ о цѣли искусства и беря представителями двухъ противоположныхъ воззрѣній на этотъ вопросъ Л. Толстого и В. Морриса, Е. В. Аничковъ устанавливалъ прежде всего преемственную связь между литературными теченіями XIX в. и литературнымъ движеніемъ второй половины XVIII стол. Послѣ же очерка эстетическихъ воззрѣній энциклопедистовъ, Канта, Шиллера, Гердера, Гегеля и др. лекторъ переходилъ къ спеціальному изложенію теоріи драмы, представляющей, по его убѣжденію, высшее искусство или синтезъ всѣхъ остальныхъ искусствъ. Курсъ заканчивался попыткой опредѣлить актъ творчества въ искусствѣ и сопровождался практическими занятіями. Публичныхъ лекцій по этому послѣднему отдѣлу программы было 5: одна—Е. В. Аничкова «о Вильямѣ Моррисѣ и его утопическомъ романѣ» и 4—П. Д. Боборыкина «Объ изученіи русскаго романа».

Ю. Гамбаровъ.

Международная школа Парижской выставки.

(Лекція, читанная 13-го октября н. с. въ Парижѣ).

По мѣрѣ того, какъ общественныя и политическія науки, отрѣшаясь отъ вліянія метафизики, ставятъ себѣ задачей возможно близкое знакомство съ дѣйствительностью, необходимость придать преподаванію этихъ наукъ международный характеръ становится все болѣе и болѣе ощутительной. Экономическое, общественное и политическое устройство той или другой страны, какъ и ея право, нравы и обычаи въ виду тѣсной зависимости отъ окружающей среды болѣе доступны изученію мѣстныхъ ученыхъ и писателей, чѣмъ иностранныхъ. Есть поэтому непосредственный разсчетъ въ томъ, чтобы предоставить каждой національности возможность дать отвѣтъ на жгучіе вопросы времени устами вышедшихъ изъ ея же рядовъ спеціалистовъ. Эта истина давно была уже сознана въ Америкѣ. Располагая значительными средствами, правительственные и частные университеты въ Бостонѣ, Нью-Іоркѣ, Балтиморѣ, Чикаго ранѣе однохарактерныхъ учрежденій въ Европѣ пріобрѣли возможность приглашать изъ-за границы тѣхъ или другихъ философовъ, ученыхъ, литературныхъ критиковъ и историковъ для ознакомленія американцевъ съ тѣми или другими сторонами въ жизни націй, къ которымъ принадлежатъ лекторы. Еще въ 1880 г., въ бытность мою въ Америкѣ, я встрѣтился въ Балтиморѣ съ проф. Брай-

сомъ, однимъ изъ лучшихъ въ настоящее время знатоковъ Соединенныхъ Штатовъ. Онъ приглашенъ былъ для прочтенія курса въ институтѣ Пибоди (Peabody Institute), учрежденіи, созданномъ частнымъ благотворителемъ, нѣкогда посѣтившимъ Лондонъ и пожелавшимъ соединить въ одномъ зданіи картинную галлерею, на подобіе существующей въ англійской столицѣ, концертную залу, не уступающую размѣрами Альбертъ-Голю въ томъ же Лондонѣ, библіотеку, на подобіе находящейся въ Британскомъ музеѣ, и рядъ университетскихъ аудиторій, въ которыхъ бы профессоры всего міра могли читать лекціи, оплачиваемыя изъ дохода, оставленнаго Пибоди денежнаго фонда. Замѣтьте, что въ той же Балтиморѣ имѣется сверхъ того университетъ, содержимый на средства штата Мериландъ, и другое однохарактерное учрежденіе, созданное Джономъ Гопкинсомъ, разбогатѣвшимъ промышленникомъ, который надѣлилъ его такъ щедро, что этотъ частный университетъ не только въ состояніи оплачивать какъ нельзя лучше собственныхъ профессоровъ, но приглашаетъ спеціалистовъ изъ Европы и покрываетъ издержки по изданію двухъ вѣстниковъ, математическихъ и естественныхъ наукъ,. да еще выходящихъ изъ года въ годъ весьма цѣнныхъ монографій по исторіи, экономіи и политикѣ федераціи или отдѣльныхъ ея штатовъ. Въ самый день моего пріѣзда я былъ приглашенъ ректоромъ этой высшей школы на вечеръ, устроенный въ честь отъѣзжавшаго обратно въ Кембриджъ извѣстнаго математика Келли. Его преподаваніе предполагало въ слушателяхъ такое знакомство съ высшей математикой, какому, очевидно, могли удовлетворить лишь немногіе. Но невозможность разсчитывать на численную аудиторію не остановила ни совѣтъ университета, ни самого ректора. «Наша цѣль,—говорилъ мнѣ послѣдній,—дать возможность нашимъ соотечественникамъ ознакомиться съ такими отдѣлами науки, которые пока еще не привлекали къ себѣ ихъ вниманія. Воспользуются ли они, или не воспользуются этою возможностью, это уже не на-

ше дѣло». И какъ глубоко проникло подобное сознаніе въ убѣжденіе передовыхъ людей Соединенныхъ Штатовъ, показываетъ постоянное учрежденіе въ нихъ новыхъ и новыхъ каѳедръ по предметамъ, дотолѣ остававшимся чуждыми американскимъ ученымъ. Такъ, напр., въ Гарвардскомъ университетѣ нѣсколько лѣтъ назадъ создана каѳедра экономической исторіи и не для туземнаго ученаго, а для англійскаго спеціалиста Ашлэ; не далѣе какъ въ нынѣшнемъ году г. Стонъ, долгое время ведшій удачные торговые обороты съ Россіей и посѣтившій затѣмъ эту страну, счелъ нужнымъ въ недавно возникшемъ университетѣ въ Чикаго, въ виду наличности въ штатѣ Огайо 60-ти тысячъ русскихъ, установить каѳедру руссовѣдѣнія, обезпечить ее какъ нельзя лучше и пригласить къ открытію чтеній не того или другого американца, проѣхавшагося по Россіи, а русскихъ же ученыхъ-спеціалистовъ. Вмѣсто того, чтобы закрывать иностраннымъ ученымъ доступъ къ высшему преподаванію, какъ это дѣлаетъ, напримѣръ, Франція, дозволяющая имъ считаться «conférenciers» и запрещающая имъ въ то же время быть профессорами, Америка старается привлечь всякими средствами, и прежде всего значительными денежными окладами, извѣстныхъ представителей, европейской литературы и науки хотя бы къ лѣтнимъ чтеніямъ. Удивительно ли, если такіе спеціалисты, какъ историкъ Фриманъ, литературный критикъ Брюнетьеръ, богословъ Бонне Мари, химикъ Муассанъ и рядъ другихъ, перебывали въ Америкѣ, прочли въ ней курсы и вернулись на родину съ желаніемъ посѣтить ее снова или, по меньшей мѣрѣ, помочь дѣлу преподаванія въ ней рекомендаціей новыхъ лекторовъ.

Движеніе, начало которому такъ удачно положено было въ Америкѣ, нашло подражателей и въ Европѣ. Когда въ 1887 году я принужденъ былъ прекратить преподаваніе въ московскомъ университетѣ, мнѣ открылась возможность участвовать въ ученомъ предпріятіи, затѣянномъ въ Стокгольмѣ молодымъ экономистомъ Лореномъ, остави-

вшимъ по завѣщанію значительный фондъ для созданія, какъ онъ объявлялъ, международнаго преподаванія общественныхъ наукъ. Приглашенный къ чтенію лекцій по избранному мною же предмету, я поставилъ на видъ исполнителямъ духовнаго завѣщанія необходимость одновременно открыть нѣсколько курсовъ, поручивши чтеніе ихъ спеціалистамъ изъ различныхъ странъ Европы. Предложеніе это было принято. Во Франціи проф. Бошэ, извѣстный спеціалистъ по скандинавскому праву, а въ настоящее время пріобрѣтшій еще болѣе громкую извѣстность своимъ четырехтомнымъ сочиненіемъ «О гражданскомъ правѣ древнихъ Аѳинъ», выразилъ желаніе пріѣхать въ Стокгольмъ и открыть свои чтенія одновременно съ моими. То же сдѣлалъ въ Германіи знаменитый Шефле, но преклонный возрастъ и болѣзнь помѣшали ему привести въ исполненіе это намѣреніе. Вскорѣ затѣмъ прочитанныя мною лекціи появились въ изданіи основаннаго Лореномъ фонда, и та же судьба постигла и дальнѣйшіе курсы, читанные на средства того же жертвователя. Изданія фонда печатаются въ значительномъ числѣ экземпляровъ и распространяются даромъ въ предѣлахъ всего скандинавскаго міра. При этомъ дается предпочтеніе мѣстнымъ языкамъ, но допускаются и исключенія. Такъ мои лекціи появились на французскомъ.

На разстояніи нѣсколькихъ лѣтъ, приглашенный оксфордскимъ университетомъ для чтенія лекцій «о древнемъ правѣ и современномъ обычаѣ въ Россіи», я имѣлъ возможность познакомиться съ постановкой международнаго преподаванія по крайней мѣрѣ нѣкоторыхъ предметовъ въ этомъ старинномъ хранилищѣ научнаго знанія въ Англіи. Кому не извѣстно существованіе такъ-называемыхъ «Hibbert lectures», позволившихъ лучшимъ спеціалистамъ по исторіи религій сказать свое слово и о Ведахъ, и о буддизмѣ, и объ общихъ вѣрованіяхъ семитовъ, и т. д., и т. д. Не всѣ знаютъ, что фондъ, подобный гибертскому, созданъ былъ лордомъ Ильчестеромъ, нѣкогда посломъ въ Петербургѣ. Доходомъ отъ него должны оплачиваться каждые

два года приглашаемые спеціалисты по славяновѣдѣнію. Раньше меня извѣстный знатокъ варяжскаго вопроса Томсонъ преподавалъ уже въ Оксфордѣ. Его лекціи собраны были въ одинъ томикъ подъ заглавіемъ «О началѣ Руси» и, сколько мнѣ помнится, появились и въ формѣ, доступной и нашимъ читателямъ. Вслѣдъ за мною проф. Виноградовъ изъ Москвы, поэтъ Бальмонтъ и проф. Зигель изъ Варшавы приняли одинъ за другимъ приглашеніе оксфордскаго университета и прочли въ немъ курсы въ пять—шесть лекцій. Каждый въ предѣлахъ своей спеціальности познакомилъ англійскую публику: кто съ литературно-общественными движеніями Россіи въ первой половинѣ нашего вѣка, кто съ исторіей русской поэзіи, кто съ памятникомъ славянскаго законодательства. Ко всему этому надо прибавить еще курсы мѣстныхъ спеціалистовъ по славяновѣдѣнію въ томъ же университетѣ, напримѣръ, Рольстона «О русской эпической поэзіи» и Морфиля «О русской исторіи».

Нигдѣ однако не придано большаго значенія международному принципу въ преподаваніи, какъ въ Новомъ университетѣ въ Брюсселѣ. Съ самаго начала его основатели обезпечили себѣ содѣйствіе двухъ выдающихся французскихъ ученыхъ,—извѣстнаго географа Элизе Реклю и его брата, спеціалиста по исторіи народныхъ вѣрованій и предразсудковъ и автора распространенной на разныхъ языкахъ книги «Les primitifs». Къ этому первоначальному стволу постепенно присоединились профессора изъ богатой университетами Италіи и бѣдной ими Россіи. Первые могли дѣлиться только своимъ каникулярнымъ временемъ; вторые, разставшись съ каѳедрами на родинѣ, располагали всѣмъ своимъ временемъ. Проф. Ферри изъ Рима и его ученикъ Зигеле, экономистъ Лорини, извѣстный знатокъ международнаго права Паскале Фіоре одинъ за другимъ пріѣзжали въ Брюссель знакомить международную по своему составу аудиторію съ криминальной антропологіей, съ психологіей массъ, съ кредитомъ, денежнымъ обращеніемъ

и въ частности съ монетной реформой Россіи, Японіи и другихъ странъ Востока, наконецъ, съ международнымъ правомъ. Изъ русскихъ Е. В. де-Роберти первый отозвался на призывъ брюссельскаго университета и открылъ здѣсь рядъ курсовъ по философіи и этикѣ, постепенно ознакомившихъ его слушателей съ той новой системой гиперпозитивизма, которой онъ является воплощеніемъ. Одинъ изъ русскихъ экономистовъ, г-нъ Исаевъ, еще недавно читавшій курсъ въ Петербургѣ, два года подъ-рядъ занимался преподаваніемъ своей спеціальности въ Брюсселѣ. Мнѣ самому пришлось прочесть въ немъ нѣсколько курсовъ, изъ которыхъ одинъ появился затѣмъ отрывками въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ Парижа, а въ цѣломъ видѣ въ русскомъ переводѣ подъ заглавіемъ «Развитіе народнаго хозяйства въ Западной Европѣ». Не дальше какъ въ нынѣшнемъ году читанъ былъ мною впервые на русскомъ языкѣ рядъ лекцій по «исторіи развитія политической мысли въ связи съ исторіей учрежденій». Русскій языкъ допущенъ въ преподаваніи брюссельскимъ университетомъ наравнѣ съ другими европейскими языками. Этой причиной въ значительной степени надо объяснить ту готовность, съ которой многіе выдающіеся спеціалисты изъ Россіи предлагаютъ свою даровую помощь столь охотно открывшему имъ двери новому университету. Во Франціи интернаціонализмъ въ преподаваніи все болѣе и болѣе овладѣваетъ умами тѣхъ лицъ, которыя стали во главѣ частныхъ и свѣтскихъ высшихъ школъ, посвященныхъ обществовѣдѣнію. Онъ не чуждъ также руководителямъ нѣкоторыхъ провинціальныхъ университетовъ. Я могу въ частности сослаться на фактъ весьма лестнаго для меня приглашенія прочесть въ Тулузѣ нѣсколько лекцій по предмету моей спеціальности,—приглашенія, которымъ за недостаткомъ времени я пока не могъ еще воспользоваться. Въ Парижѣ имѣются два учрежденія, посвященныя преподаванію общественныхъ наукъ, это, во-первыхъ, «Коллегія общественныхъ наукъ», состоящая подъ руководствомъ доктора

Дельбе, позитивиста и душеприказчика Огюста Конта, а съ другой—открывающаяся нынѣшнею осенью «Школа высшаго преподаванія соціальныхъ наукъ», директоромъ которой является Дюкло. Оба учрежденія охотно допускаютъ къ преподаванію и иностранцевъ, какъ показываетъ включеніе въ программу первой—моего курса «объ экономическомъ положеніи Франціи наканунѣ революціи». а въ программу второй—лекцій Е. В. де.Роберти «о недавно скончавшемся философѣ Ницше».

Въ виду такихъ успѣховъ интернаціонализма въ преподаваніи неудивительно, если открытіе всемірной выставки въ Парижѣ не могло обойтись безъ созданія такой же всемірной школы. Она поставила себѣ цѣлью объясненіе различныхъ сторонъ не одной матеріальной культуры, но и всего умственнаго и нравственнаго облика представленныхъ на выставкѣ націй, насколько онъ обрисовался, между прочимъ, въ докладахъ и преніяхъ многочисленныхъ конгрессовъ, собравшихся въ Парижѣ нынѣшнимъ лѣтомъ и труды которыхъ будутъ современемъ служить указателемъ того научнаго и общественнаго уровня, какого достигла Европа къ концу угасающаго столѣтія. Мысль о созданіи этой школы должна была зародиться однако не во Франціи, которой памятенъ былъ еще неуспѣхъ однохарактерной попытки, сдѣланной въ 1889 г. И въ настоящее время весьма распространено въ ней то убѣжденіе, что публика, посѣщающая выставку, не располагаетъ достаточнымъ досугомъ, чтобы ознакомиться иначе какъ поверхностно съ ея разнообразными богатствами, и думаетъ только о томъ, какъ бы провести пріятно время, пользуясь даровыми или полударовыми удовольствіями. Такая оцѣнка справедлива по отношенію къ массамъ посѣтителей, но меньшинство, тщетно ищущее въ каталогахъ чего-нибудь помимо простой номенклатуры выставленныхъ предметовъ, несомнѣнно желало бы получить синтезъ всего имъ видѣннаго, а это могутъ дать ему или систематическія описанія, обыкновенно появляющіяся на разстояніи мѣсяцевъ и годовъ со

времени закрытія выставки, или лекціи и объясненія спеціалистовъ. Эта мысль особенно ясно представилась уму одного шотландскаго профессора ботаники Геддеса, давнишняго ревнителя идеи интернаціонализма въ преподаваніи. Г. Геддесъ за много лѣтъ до выставки положилъ начало въ Эдинбургѣ существованію бокъ-о-бокъ съ правительственнымъ университетомъ свободной высшей школы, въ которой въ каникулярное время профессора разныхъ странъ, въ томъ числѣ уже упомянутый мною Элизе Реклю, преподаютъ въ живой и наглядной формѣ не случайно избранные ими предметы, а курсы, входящіе въ составъ общей схемы и ставящіе себѣ цѣлью послѣдовательное ознакомленіе слушателей со всѣмъ космосомъ и всей исторіей человѣчества по ея періодамъ. Интересуясь географіей, этнографіей и культурной исторіей, для которой современная выставка дала больше матеріала, чѣмъ предшествующія, и желая отнестись критически къ собраннымъ ею коллекціямъ, г. Геддесъ рѣшился перенести въ нынѣшнемъ году свое преподаваніе изъ Эдинбурга въ Парижъ. Въ лицахъ, которымъ ввѣрена въ настоящее время забота о руководительствѣ высшимъ образованіемъ во Франціи, въ частности въ г-нѣ Ліарѣ, какъ и въ президентѣ французской ассоціаціи наукъ г-нѣ Леонѣ Буржуа, Геддесъ встрѣтилъ дружную поддержку, но, разумѣется, его мысль навсегда осталась бы проектомъ, если бы не нашлось человѣка, готоваго принять на себя хлопоты по устройству международной школы и привлечь къ общему дѣлу важнѣйшія націи Европы. Этимъ человѣкомъ явился одинъ изъ лекторовъ Сорбонны и свободной школы политическихъ наукъ г. Эмиль Буржуа. Поѣздкой въ Берлинъ онъ подготовилъ почву для устройства германскаго отдѣленія въ затѣянной имъ школѣ выставки, а прямымъ сношеніемъ съ русскими учеными, проводящими часть года въ Парижѣ, подвинулъ ихъ къ созданію и русскаго отдѣла. Въ свою очередь г. Геддесъ нашелъ дѣятельныхъ помощниковъ въ Америкѣ въ лицѣ такихъ же, какъ онъ, сторонниковъ интернаціо-

нализма въ преподаваніи: г. Элли изъ Соединенныхъ Штатовъ и проф. Моверъ изъ Торонто, въ Канадѣ. Создавъ американскую группу, эти лица сочли возможнымъ соединить свое дѣло съ тѣмъ, во главѣ котораго сталъ проф. Геддесъ, и такимъ образомъ въ Парижѣ на научной почвѣ проявилось впервые братское общеніе двухъ великихъ державъ, говорящихъ однимъ и тѣмъ же языкомъ. Не образовывая особой группы, профессоры Швейцаріи и Бельгіи принимали участіе въ международномъ преподаваніи, предлагая лекторовъ то французскому отдѣленію, то отдѣленію нѣмецкому. И русская группа можетъ похвалиться дружнымъ содѣйствіемъ нѣкоторыхъ славянскихъ ученыхъ и литераторовъ, которые на французскомъ языкѣ ознакомили международную по своему составу аудиторію и со славянскимъ фолькъ-ломъ, и съ исторіей славянскихъ странъ, въ томъ числѣ и Россіи.

Два имени приходятъ мнѣ въ настоящее время на мысль. Имя извѣстнаго автора «Le roman d'une Impératrice» г-на Валишевскаго, познакомившаго насъ съ новыми своими изслѣдованіями по исторіи зарожденія не столько общественной, сколько салонной жизни при дворѣ императрицы Елизаветы Петровны, и любителя народной словесности, чеха г. Клепаля, введшаго насъ въ кругъ тѣхъ поэтическихъ образовъ, которыми окружаетъ себя близкая намъ по крови народность. Такимъ образомъ и между славянами, и притомъ въ той сферѣ, въ которой всего прочнѣе можетъ установиться родственное общеніе, въ сферѣ науки и литературы, проявилась способность итти рука-объ-руку въ служеніи дорогому всѣмъ дѣлу. Благодаря своему пестрому этнографическому составу и разнообразію интересующихъ ее международныхъ вопросовъ современная Россія не можетъ быть изучена всесторонне, иначе какъ подъ условіемъ детальнаго ознакомленія съ разноплеменными народностями, ее населяющими, а также со всѣмъ, что волнуетъ близкое ей по крови или религіи населеніе сосѣднихъ съ нею странъ, начиная отъ славянъ Австріи и

христіанъ Турціи и оканчивая Китаемъ. Неудивительно поэтому, если руководители русскаго отдѣла сочли нужнымъ обезпечить своей аудиторіи возможность ознакомиться и съ разнообразіемъ племенъ, населяющихъ Сибирь, Кавказъ и вообще окраины Россіи, и съ общимъ характеромъ славянскаго права. Съ благодарностью вспоминаю о томъ содѣйствіи, какое въ дѣлѣ его изученія оказалъ намъ профессоръ Зигель своимъ сообщеніемъ о воздѣйствіи чешскаго права на польское. Эта лекція привлекла не столь многочисленную, сколько избранную публику, изъ которой выдѣлялись и законодатель Черногоріи, бывшій профессоръ Богишичъ, и нѣкоторые профессоры высшей школы въ Софіи, въ томъ числѣ Г. Шишмановъ. Такимъ образомъ и благодаря присутствію ученыхъ юристовъ изъ Москвы и Петербурга явилась возможность собрать историковъ-правовѣдовъ изъ различныхъ концовъ славянскаго міра на одномъ общемъ чтеніи, ихъ одинаково интересовавшемъ. Въ числѣ современныхъ политическихъ вопросовъ, которые не могутъ остаться чуждыми русскому обществу, являются массовыя истребленія христіанъ въ Турціи и Китаѣ. Неудивительно поэтому, если русское отдѣленіе международной школы открыло свои двери и одному изъ лучшихъ знатоковъ армянскаго вопроса—армянину Микаэльану и извѣстному синологу Кордье, познакомившему насъ съ началомъ тѣхъ дипломатическихъ сношеній, въ какія Россія издавна вступила съ Китаемъ. Желаніе имѣть точныя свѣдѣнія о волнующей нашу печать, не менѣе заграничной, войнѣ англичанъ съ бурами побудила лицъ, поставленныхъ во главѣ русской группы, воспользоваться присутствіемъ въ средѣ слушателей только-что вернувшагося изъ Преторіи капитана въ корпусѣ генерала Бота г. Николаева. Мы просили его сдѣлать намъ сообщеніе о впечатлѣніяхъ, вынесенныхъ имъ изъ шестимѣсячнаго пребыванія на югѣ Африки. Его правдивое слово и о невсегда желательномъ составѣ добровольцевъ, и о нарушеніяхъ международнаго права англичанами, и объ ошибкахъ, допущенныхъ бурами

во время веденія кампаніи, произвело наилучшее впечатлѣніе на многочисленную аудиторію, въ которой присутствовало нѣсколько иностранцевъ, знакомыхъ съ русскимъ языкомъ, въ томъ числѣ извѣстный академикъ Вогюэ. Тѣсная связь, въ какой предпринятая Англіей война съ бурами стоитъ съ быстрымъ развитіемъ въ этой странѣ имперіализма, послужила темой другаго интереснаго сообщенія, сдѣланнаго г. Пиленко, доцентомъ петербургскаго лицея.

Въ виду того, что выставка нынѣшняго года, какъ уже было мною указано, обставлена несравненно богаче прежнихъ въ этнографическомъ отношеніи, неудивительно, что въ лекціяхъ русскаго отдѣла отведено было большое мѣсто этнографіи и связаннымъ съ нею наукамъ. Заручившись содѣйствіемъ такого разносторонне подготовленнаго спеціалиста, какъ г. Волковъ, и привлекши съ его помощью къ нашему дѣлу профессора сравнительной этнографіи въ антропологической школѣ г. Андріена де-Мортилье и молодаго антрополога харьковскаго университета, ученика той же школы, г. Покровскаго, мы въ состояніи были предложить нашимъ слушателямъ не только спеціальныя чтенія по этнографіи нѣкоторыхъ наиболѣе отсталыхъ народностей Сибири, въ частности якутовъ, различныхъ племенъ Кавказа, малороссовъ и великороссовъ, но и болѣе широкія обобщенія о задачахъ этнографическихъ выставокъ вообще, о тѣсной связи, существующей между этнографіей и археологіей, а также цѣлыя картины доисторической Россіи и доисторической Франціи, сопровождаемыя осмотромъ доступныхъ, благодаря выставкѣ, коллекцій, въ томъ числѣ мегалитическихъ памятниковъ. Этюдъ, посвященный г. де-Мортилье обзору нашихъ свѣдѣній объ археологіи Россіи, представилъ между прочимъ для бывшихъ въ его аудиторіи спеціалистовъ ту интересную особенность, что въ немъ собраны были элементы для критики того порядка, какимъ иногда производятся у насъ раскопки, и указана была необходимость поручить это дѣло только хорошо подготовленнымъ спеціалистамъ. Желательность такой пе-

ремѣны невольно бросалась въ глаза при слушаніи того историческаго очерка судебъ французской археологіи, какой представилъ намъ г. Волковъ, обмѣнявшійся въ этомъ случаѣ ролями со своимъ французскимъ собратомъ. Надъ обоими витала тѣнь недавно скончавшагося Габріэля де-Мортилье, считавшаго столькихъ почитателей и во Франціи, и въ Россіи, почему оба засѣданія и оканчивались однообразнымъ чествованіемъ этой великой памяти.

Исторія права, въ частности русскаго, вмѣстѣ съ сравнительной юриспруденціей, которой посвящено было цѣлыхъ два конгресса въ августѣ, очевидно, входила въ кругъ предметовъ, къ которымъ не могли остаться равнодушными ни руководители школы, ни посѣщавшіе ее слушатели. Молодой проф. Тарановскій, ученикъ извѣстнаго Леонтовича, выступилъ съ интереснымъ сообщеніемъ о различныхъ школахъ, къ которымъ принадлежатъ толкователи русской юридической старины, и о вліяніи, какое на развитіе этихъ школъ имѣли смѣнявшія другъ-друга философскія системы, преимущественно нѣмецкія. Извѣстный петербургскій адвокатъ и членъ юридическаго Общества Винаверъ передъ аудиторіей, почти всецѣло составленной изъ ученыхъ юристовъ, прочелъ любопытный докладъ о вліяніи, какое иностранная юриспруденція и французскій Code Civil оказали на редакцію нашего Свода несмотря на то, что коммиссіи, его выработавшей, повелѣно было не вносить въ него ничего помимо указовъ. Наконецъ, проф. Гамбаровъ представилъ своимъ слушателямъ нынѣ отпечатанный юридическій очеркъ той постановки, какую сравнительное законовѣдѣніе получило въ концѣ вѣка со стороны ученыхъ юристовъ, собранныхъ въ Парижѣ текущимъ лѣтомъ.

Всѣ проявленія какъ матеріальной, такъ и духовной жизни нашего простаго народа были одинаково дороги и руководителямъ, и посѣтителямъ школы. Этимъ объясняется, почему одними изъ первыхъ вопросовъ, поднятыхъ на нашихъ чтеніяхъ, были такіе, какъ объ условіяхъ, въ какихъ находится кустарное производство въ Россіи, и о

пользѣ, какую можно извлечь для ознакомленія съ духовнымъ обликомъ русскаго народа изъ изученія его обрядовъ и суевѣрій, наравнѣ съ поэзіей и обычнымъ правомъ. Г. Апостолъ, уже извѣстный въ литературѣ своею книгой «Объ артеляхъ», познакомилъ насъ съ тою стороной вопроса, которая не могла бы найти реальнаго выраженія даже при болѣе совершенной организаціи кустарнаго отдѣла. Я разумѣю вопросы о взаимномъ отношеніи фабрикъ и кустарныхъ промысловъ. Лекторъ много сказалъ намъ поучительнаго объ обстоятельствахъ, какъ препятствующихъ, такъ и благопріятствующихъ росту домашней промышленности, а также о сферахъ, въ которыхъ этой промышленности еще предстоитъ оказать несомнѣнныя услуги обезпеченію матеріальнаго благосостояніи народныхъ массъ. Присутствіе въ средѣ слушателей проф. Чупрова, согласившагося сказать свое слово по вопросу, поднятому лекторомъ, придало еще болѣе живой интересъ сдѣланному сообщенію и познакомило аудиторію съ тѣми двумя точками зрѣнія, съ которыхъ можетъ быть разсматриваема вѣроятная судьба нашей кустарной промышленности, смотря по тому, будемъ ли мы сознательно стремиться къ упроченію въ нашей средѣ капиталистическаго хозяйства, или не менѣе сознательно поддерживать интересы нашей мелкой промышленности.

Народныя школы, въ частности воскресныя, позволяющія лицамъ, постепенно забывшимъ грамоту, пройти повторительный курсъ, сразу привлекли наше вниманіе. Мы рады были возможности познакомить съ ними нашихъ слушателей и съ тѣмъ и французскую публику въ сообщеніи, сдѣланномъ г-жею Leprêtre.

Посѣтивъ Россію и принявъ участіе въ преподаваніи въ одной изъ этихъ школъ, въ школѣ, устроенной г-жею Алчевской въ Харьковѣ, m-me Leprêtre получила возможность ознакомиться путемъ личныхъ наблюденій и личнаго опыта и съ матеріальными условіями учрежденій подобнаго рода, и съ характеромъ преподавателей и слушателей, и съ

UNIVERSITY OF ILLINOIS LIBRARY

порядкомъ, въ которомъ при просвѣщенномъ содѣйствіи г-жи Алчевской составляются книги для народнаго чтенія. Школѣ нерѣдко приписываютъ потерю народомъ того драгоцѣннаго запаса поэтическихъ образовъ, какой самъ онъ накопилъ въ теченіе своего вѣковаго существованія въ формѣ не однѣхъ только былинъ и сказокъ, но и обрядовъ, обычаевъ, пословицъ и поговорокъ. Проф. Аничковъ изъ Кіева удачнымъ примѣненіемъ сравнительнаго метода къ нѣкоторымъ избраннымъ имъ примѣрамъ народныхъ суевѣрій показалъ однако, что многое въ нихъ должно считаться не продуктомъ самостоятельнаго творчества, а результатомъ вѣковаго странствованія сказаній и предразсудковъ, возникшихъ на отдаленномъ Востокѣ и отражающихъ на себѣ чужое недомысліе и чужое невѣжество. Лекторъ закончилъ свое сообщеніе призывомъ замѣнить для народа потерянный имъ запасъ поэтическихъ образовъ не развращающей мысль и сердце шансонеткой, а спеціально для народа созданной и вполнѣ доступной его пониманію литературой.

Дѣло изученія народнаго быта, такъ удачно начатое гг. Апостоломъ и Аничковымъ, продолжено было затѣмъ г. Сосновскимъ, познакомившимъ насъ съ тѣмъ значеніемъ, какое для правильной постановки дѣла переселеній должна играть Сибирская дорога, г. Пираловымъ, говорившимъ намъ объ условіяхъ кустарной промышленности на Кавказѣ, и г. Кулаковымъ, введшимъ своихъ слушателей въ сферу интересовъ крымскаго садоводства. Тотъ же лекторъ предложилъ нашей аудиторіи любопытный докладъ о средствахъ удовлетворить научнымъ запросамъ народа устройствомъ для него высшихъ свободныхъ школъ по образцу существующихъ въ Парижѣ. Нашимъ слушателямъ явилась возможность сопоставить въ этомъ отношеніи то, что дѣлается во Франціи, съ тѣмъ, къ чему стремятся у насъ коммиссіи домашняго чтенія, одинъ изъ секретарей которыхъ, г. Ивановскій, обязательно познакомилъ насъ съ ихъ внутреннимъ устройствомъ и внѣшнею дѣятельностью. Вопросамъ народной гигіены посвященъ былъ ре-

ферат доктора медицины г. Лорисъ-Меликова, который познакомилъ насъ съ устройствомъ санаторіевъ и съ мѣрами, предложенными для борьбы съ заразительными болѣзнями. Жена доктора Мари, извѣстнаго аліениста въ Villejuif, въ живомъ изложеніи представила намъ историческій очеркъ положенія сумасшедшихъ въ прошломъ и настоящемъ, а докторъ Баженовъ своимъ интереснымъ психо-патологическимъ этюдомъ, посвященнымъ Достоевскому и Гюи-де-Мопассану, показалъ, какъ тонка перегородка, отдѣляющая нерѣдко геній отъ помѣшательства, и какое чудовищное вліяніе можетъ оказать наслѣдственность физическихъ и нравственныхъ недостатковъ, присущихъ тѣмъ и другимъ семьямъ.

Понятно, что въ этомъ освѣщеніи вопросъ о пьянствѣ и о борьбѣ съ нимъ, какъ съ однимъ изъ пороковъ, всего болѣе вліяющихъ на разстройство нервной системы, даже въ ближайшихъ поколѣніяхъ, пріобрѣтаетъ особое значеніе, и немудрено поэтому, если мы охотно приняли предложеніе графа Скаржинскаго познакомить нашу публику на французскомъ языкѣ съ организаціей Обществъ трезвости въ Россіи.

Вообще насъ трудно будетъ упрекнуть въ равнодушіи къ вопросамъ, которымъ на выставкѣ посвященъ Дворецъ соціальной экономіи. Достаточно перечислить рефераты, имъ посвященые, чтобы притти къ заключенію, въ какой значительной мѣрѣ наши лекторы содѣйствовали своими чтеніями разностороннему пониманію задачъ соціальной экономіи и ознакомленію съ богатыми коллекціями, собранными въ посвященномъ ей Дворцѣ. Завѣдующій русскимъ отдѣломъ соціальной экономіи г. Погожевъ посвятилъ еще въ началѣ августа обширный докладъ обзору русской коллекціи. Не скрывая ея несовершенствъ, которыя объясняются и недостаткомъ отпущенныхъ средствъ, и позднимъ увѣдомленіемъ лицъ, заинтересованныхъ въ самой организаціи выставки по этому предмету, г. Погожевъ намѣтилъ тѣ пути, какими въ ближайшемъ будущемъ мож-

но было бы достигнуть болѣе совершеннаго нагляднаго изображенія и того немногаго, что сдѣлано еще фабрикантами въ Россіи для подъема матеріальнаго благосостоянія трудящагося люда.

Въ свою очередь графъ Скаржинскій, расширяя вопросъ, освѣтилъ разнообразныя задачи, какія ставитъ себѣ соціальная экономія и которымъ посвящены были какъ выставка предметовъ, къ ней относящихся, такъ и различные конгрессы нынѣшняго лѣта. Г. Вормсъ, приватъ-доцентъ московскаго университета, принимавшій личное участіе въ международномъ конгрессѣ, посвященномъ законодательной защитѣ труда, по просьбѣ нашего комитета, сопоставилъ положеніе этого вопроса въ Россіи и за границей. Онъ отмѣтилъ тотъ значительный шагъ впередъ, какой сдѣланъ въ смыслѣ международнаго его рѣшенія на конгрессѣ, открывшемся въ августѣ мѣсяцѣ подъ предсѣдательствомъ французскаго министра торговли Мильерана. Не довольствуясь этимъ общимъ обзоромъ, вызвавшимъ интересный обмѣнъ мыслей между нашимъ лекторомъ и однимъ изъ русскихъ фабричныхъ инспекторовъ, нашъ комитетъ пригласилъ г. Апостола, спеціально посвятившаго себя изученію нѣкоторыхъ сторонъ соціальной экономіи, познакомить нашихъ слушателей съ тѣмъ, что сдѣлано въ отношеніи къ нимъ международными конгрессами 1900 г. Г. Апостолъ остановился на тѣхъ изъ нихъ которые касались покровительства труду, страхованія рабочихъ и жилищъ для нихъ. Присутствовавшій на лекціи проф. Чупровъ дополнилъ это сообщеніе краткими свѣдѣніями о конгрессахъ по народному кредиту, по сельскимъ и рабочимъ кассамъ и по земледѣльческимъ синдикатамъ.

Дополняя прежнія свои сообщенія, г. Сосновскій сдѣлалъ интересный докладъ по вопросу о крестьянскихъ переселеніяхъ въ Сибирь на основаніи богатыхъ матеріаловъ, собранныхъ въ русскомъ отдѣлѣ выставки. Кромѣ очерка исторіи переселенческаго дѣла и мѣнявшихся отношеній къ нему правительства г. Сосновскій представилъ подробныя

данныя о современномъ состояніи переселеній, о размѣрахъ, направленіи и составѣ переселенческаго движенія, о способахъ устройства переселенцевъ въ Сибири, равно какъ и о правительственныхъ мѣрахъ для помощи переселенцамъ какъ въ пути, такъ и на мѣстахъ ихъ водворенія. Въ дополненіе къ чтенію г. Сосновскаго проф. Чупровъ обратилъ вниманіе присутствовавшихъ на важность нѣкоторыхъ сообщенныхъ въ лекціи фактовъ, въ особенности на доказанную новыми опытами возможность удобнаго заселенія огромныхъ лѣсныхъ пространствъ Сибири и многихъ изъ степныхъ мѣстностей, еще такъ недавно считавшихся недоступными для колонизаціи. Сообщеніе о постоянно увеличивающихся затратахъ силъ и средствъ со стороны правительства на правильную организацію переселенческаго движенія дало г. Чупрову поводъ высказать, что этотъ видъ затраты государственныхъ средствъ представляется однимъ изъ самыхъ производительныхъ, съ точки зрѣнія народной экономіи, вслѣдствіе чего было бы желательно видѣть его увеличеннымъ во много разъ.

Если экономическіе интересы нашего земледѣльческаго и рабочаго населенія были особенно дороги какъ профессорамъ, такъ и слушателямъ нашей школы, то изъ этого не слѣдуетъ еще, чтобы мы оставили безъ надлежащаго освѣщенія духовные запросы народа, въ частности—его религіозную жизнь. Г-нъ Щукинъ, посвятившій себя съ давнихъ поръ изученію исторіи церкви вообще и раскола въ частности, по нашей просьбѣ прочелъ лекцію о важнѣйшей и наиболѣе древней изъ религіозныхъ сектъ Россіи—о старообрядцахъ, а проф. Моваръ въ сообщеніи, сдѣланномъ на англійскомъ языкѣ, познакомилъ насъ съ судьбою эмигрировавшихъ изъ Россіи духоборцевъ. Въ свою очередь г. Ивановскій остановилъ вниманіе нашихъ слушателей на одномъ изъ выдающихся религіозныхъ мыслителей, преждевременная кончина котораго такъ опечалила всю мыслящую Россію. Я разумѣю Владиміра Соловьева, этого искренняго поборника свободы совѣсти и слова. Даже лица, не-

раздѣлявшія его философскихъ воззрѣній,—къ числу ихъ необходимо присоединить и нашего лектора,—не могли отказать въ уваженіи смѣлому критику самыхъ основъ нашего религіозно-общественнаго быта, автору неподражаемыхъ статей «Идолы и идеалы».

Избравши нашимъ почетнымъ членомъ Льва Николаевича Толстого, мы необходимо должны были содѣйствовать по мѣрѣ силъ ознакомленію нашей, если не русской, то иностранной аудиторіи, съ его религіозными и нравственными ученіями, все еще пользующимися меньшею извѣстностью, чѣмъ его романы и повѣсти. Всего естественнѣе было поручить выполненіе этой задачи ревностному почитателю Толстого, автору недавно премированной французской академіей книги о философіи этого русскаго мыслителя. Я разумѣю господина Лурье. Параллельнымъ этюдомъ объ Ибсенѣ, собравшимъ столь же многочисленную аудиторію, г. Лурье оттѣнилъ то, что есть общаго въ воззрѣніяхъ этихъ двухъ великихъ современниковъ.

Если, въ заключеніе, мы спросимъ себя, къ какому синтезу приводитъ это параллельное изученіе различныхъ проявленій общественности на Западѣ Европы и въ Россіи, —изученіе, которому открылось такое широкое поле благодаря всемірной выставкѣ нынѣшняго года, то, какъ мнѣ кажется, нетрудно будетъ притти къ заключенію, что не раса, а воспитаніе, прогрессъ наукъ и техники обусловливаютъ собою перевенствующее значеніе тѣхъ или другихъ народностей въ мірѣ. Этотъ выводъ и сдѣланъ былъ однимъ изъ вице-президентовъ нашей группы, Евгеніемъ Валентиновичемъ де-Роберти, въ интересномъ сообщеніи о предразсудкахъ нѣкоторыхъ соціологовъ и въ частности о томъ, который состоитъ въ признаніи за расой роли главнаго фактора цивилизаціи. Трудно въ самомъ дѣлѣ представить себѣ ученіе болѣе пессимистическое, чѣмъ то, которое осуждаетъ отдѣльныя народности, въ виду цвѣта ихъ кожи, на постоянное младенчество и признаетъ цивилизацію завиднымъ удѣломъ меньшинства, арійцевъ и семитовъ.

Вы въ состояніи были, господа, познакомиться изъ этого бѣглаго обзора дѣятельности нашей школы и съ единствомъ ея общей программы, и съ разнообразіемъ тѣхъ частныхъ задачъ, которымъ посвящены были прочитанные въ ней лекціи и доклады. Если наша цѣль можетъ считаться достигнутой по крайней мѣрѣ въ значительной степени, насколько позволила это краткость отведеннаго намъ времени, то этимъ мы обязаны прежде всего тому, что въ русскомъ ученомъ мірѣ, въ средѣ русскихъ литераторовъ и лицъ, завѣдующихъ отдѣлами русской выставки въ Парижѣ, мы нашли дѣятельныхъ и самоотверженныхъ служителей общему дѣлу, а въ лицѣ нашего извѣстнаго натуралиста Ильи Ильича Мечникова, согласившагося быть президентомъ вновь возникшаго учрежденія, человѣка, одно имя котораго должно было обратить на насъ вниманіе и привлечь къ намъ симпатіи. Мы пользовались ими въ широкой мѣрѣ. Литературные собратья поспѣшили помочь намъ не только личнымъ участіемъ въ преподаваніи, но и денежными взносами. Въ свою очередь представители промышленнаго и торговаго класса не отказали намъ въ своихъ добрыхъ совѣтахъ. Наше предпріятіе представляетъ еще то утѣшительное явленіе, что служитъ новымъ доказательствомъ способности русскаго общества къ широкой самодѣятельности. Представители власти оказали нашему дѣлу только то содѣйствіе, какое Фридрихъ Великій, по его собственнымъ словамъ, оказывалъ нѣмецкой литературѣ, оставляя ее жить и развиваться «по своему».

Программа на 1902—3 учебный годъ.

КУРСЫ.

I. Философія и методологія математическ., физико-химич. и біологическ. наукъ.

1. Г. Кольцовъ. Общая біологія (1-й курсъ).
2. В. Анри. Психофизика (1-й курсъ).

II. Философія и методологія соціальныхъ наукъ.

1. Е. В. де-Роберти. a) Исторія соціологіи и критика современныхъ соціологическихъ системъ (1-й к.).

b) Нерѣшенные вопросы общей соціологіи (2-й к.).

III. Всеобщая исторія и описательная социологія.

1. М. М. Ковалевскій. Общественная эморіологія (Происхожденіе семьи, собственности и государства). (1-й и 2-й к.).
2. Л. С. Трачевскій. Основы исторіи XIX вѣка (1-й к.).
3. Н. И. Карѣевъ. Исторія XIX вѣка (1-й к.).
4. И. В. Лучицкій. Экономическій строй Франціи въ XVIII в. (1-й к.).
5. М. М. Тамамшевъ. Исторія Кавказа (1-й к.).
6. П. Н. Милюковъ. Очерки по исторіи русской культуры (1-й и 2-й к.).

IV. Антропологія и этнографія.

1. Ѳ. К. Волковъ a) Антропологія (1-й к.) b) Этнографія (2-й к.).

V. Исторія религіи.

1. Б. В. Аничковъ. Очерки по исторіи религіозной мысли въ Россіи въ XIV в. (2-й к.).
2. И. И. Щукинъ. a) Исторія христіанства (первые 3 вѣка) (1-й к.).

b) Исторія русской церкви въ синодальный періодъ (2-й к.).

VI. Эволюція экономическаго быта и экономическихъ ученій.

1. Н. А. Карышевъ. a) Теорія политической экономіи (2-й к.).

b) Теорія статистическаго метода (2-й к.).

2) М. М. Ковалевскій. Исторія экономическихъ ученій въ связи съ развитіемъ хозяйственной жизни: Зарожденіе капитализма, меркантильная система и физіократія (1-й и 2-й к.).

3. Н. Каблуковъ. a) Статистика (1-й к.). b) Сельскохозяйственная экономія въ Россіи (2-й к.).

4. А. А. Исаевъ. О промышленныхъ кризисахъ (2-й к.).

5. М. И. Туганъ-Барановскій. Исторія экономическихъ и соціальныхъ ученій (1-й и 2-й к.).

6. Г. Б. Уоллосъ. Исторія рабочаго законодательства въ Германіи и Швейцаріи (2-й к.).

7. А. Метэнъ. Рабочее движеніе и кооперація въ Англіи (на француз. яз. 2-й к.).

8. Э. Вандервельдъ. Рабочее движеніе и кооперація въ Бельгіи (на фр. яз. 2-й к.).

9. Г. Лагардель. Рабочее движеніе и кооперація во Франціи (на фр. яз. 2-й к.).

10. П. Н. Апостолъ. Деньги и денежное обращеніе (2-й к.).

VII. Исторія политическихъ теорій и учрежденій

1. М. М. Ковалевскій a) Исторія государствъ на Западѣ: Государственное право Англіи и Америки (2-й к.).

2. В. Скалонъ. Земскія учрежденія въ Россіи (1-й и 2-й к.).

3. М. И. Свѣшниковъ. Политическое значеніе земскаго самоуправленія (1-й и 2-й к.).

4. И. И. Щукинъ. Исторія русскаго права (1-й к.).

VIII. Исторія учрежденій и теорій гражданскаго права (1-й к.).

1. Исторія обязательствъ (1-й и 2-й к.).

2. М. М. Винаверъ. Гражданское право современной Европы (2-й к.).

IX. Соціальная криминологія.

1. Л. И. Шейнисъ. Уголовная антропологія (1-й к.).
2. Н. Н. Баженовъ. Психологія преступника (2-й к.).
3. В. Ѣ. Пржевальскій. Уголовная соціологія (2-й к.).

X. Эволюція метафизическихъ системъ и нравственныхъ понятій и ученій.

1. Е. В. де-Роберти. a) Основные типы метафизической мысли въ исторіи философіи (1-й к.).

b) Опытъ изслѣдованія общихъ законовъ развитія философской мысли (2-й к.).

XI. Исторія литературы и искусствъ.

1. Е. В. Аничковъ. Основные моменты литературной исторіи современной Европы (1-й к.).
2. И. И. Щукинъ. Очерки по исторіи живописи (1-й к.).

Кромѣ того будутъ прочитаны дополнительные курсы и отдѣльныя лекціи.

Практическія занятія (для студ. 1-го и 2-го курса).

1. По философіи подъ руководствомъ Е. В. де-Роберти.
2. По государственному праву подъ руководствомъ М. М. Ковалевскаго и М. И. Свѣшникова.
3. По эволюціи быта и экономическихъ учрежденій подъ рук. М. М. Ковалевскаго и Н. А. Карышева.
4. По гражданскому праву подъ рук. Ю. С. Гамбарова.
5. По литературнымъ теоріямъ XIX в. подъ руков. Е. В. Аничкова.
6. По экспериментальной психологіи подъ руков. Е. В. Анри.
7. Практическое и теоретическое преподаваніе новыхъ языковъ подъ руководствомъ Е. В. Аничкова, Л. Салмона, Л. Лакура, М. Леблана и Г-жи Пуансо-Эгли.